

Надежда Тэффи

Шарманка Сатаны

*Часть сборника
Алмазная пыль (сборник)*

Надежда Тэффи
Шарманка Сатаны

«Public Domain»

Тэффи Н.

Шарманка Сатаны / Н. Тэффи — «Public Domain»,

Пьеса в 4 действиях.

Содержание

Примечание	6
Действие первое	7
Действие второе	16
Действие третье	23
Действие четвертое	31

Надежда Тэффи

Шарманка Сатаны

Пьеса в 4-х действиях

Действующие лица:

Арданов Николай Сергеевич, земский начальник.

Елизавета Алексеевна, его жена.

Серафима Ананьевна Светоносова, экономка.

Ворохлов Илья Иванович, богатый купец.

Глафира Петровна, его жена.

Илюшечка, их сын.

Андрей Николаевич Долгов, адвокат.

Полина Григорьевна, жена чиновника.

Иван Андреевич, чиновник.

Клеопатра Федотовна, его жена.

Луша, горничная Ардановых.

Лакей Долгова.

Действие происходит в провинциальном городе в наше время.

Примечание

Арданов, лет тридцати пяти, обрюзгший, но недурен собой.

Арданова, жена его, лет двадцати семи, очень красива.

Ворохлов, пожилой, пузатый, бритый с усами. Говорит на «о», держится надменно.

Жена его, обычная пожилая купчиха.

Илюшечка, лет двадцати, рыженький, одет хорошо, держится прилично, но иногда вдруг оробеет.

Долгов, лет тридцати пяти, светский, смотрит на всех, прищулив глаза, будто изучает.

Серафима, тощая, на лбу кудерки, волосы прилизаны, на затылке хвостик закручен, тараторит, лебезит, жеманится, одета в темное, на груди крест-накрест связанный платок.

Полина, томная провинциальная дама. Французит, плохо разговаривая, закрывает глаза, кокетничает, говорит в нос, одета нелепо.

Действие первое

Гостиная в доме Ардановых. Мягкая мебель, драпировки, коврики, все, как полагается в провинциальном чиновничьем доме. В углу, за столом сидит Серафима Ананьевна с подвязанной щекой, раскладывая карты, облизывая большой палец. Перед ней Луша.

Серафима. Ой деушка, деушка. Трефей сколько у тебя, ужаста, сколько трефей. Это прямо даже редкость, чтобы на одного человека, да столько трефей.

Луша. А это, что же, к худому что-либо?

Серафима. Подожди. Не таранти. Тарантишь не показано. Сама ты, значит, бубенная дама. Так. Будет у тебя, у бубенной дамы, в трефовом доме червонный разговор про свои бубенные интересы. И казенный дом тебе с ног покорен.

Луша. А это что же? *(Смотрит испуганно.)*

Серафима. Ну-с для дому твоего... утренний разговор и для сердцу твоего... бубновка маленькая.

Луша. А это что же?

Серафима. А шут ее знает.

Луша *(восторженно)*. И как это у вас, Серафима Ананьевна, все правильно выходит. И даст же Бог человеку, чтобы так всю судьбу видеть мог.

Серафима. Подожди, не таранти... И на чем обрадуешься... на слезах своих обрадуешься. И будет тебе с правой стороны не то письмо, не то разговор.

Луша. С правой стороны письмо-то? Это как же так?

Серафима. А уж это не нашего ума дело. Не то разговор, не то просто что-то такое. Уж не знаю, что, а будет тебе что-то, вот попомни мое слово, непременно будет.

Луша. Господи помилуй. И как это вы все так, все, ей-Богу.

Звонит телефон. Луша вскакивает.

Серафима. Подожди. Постарше тебя есть. *(В телефон.)* Слушаю-с. Нет, еще никто не приехал. А где барыня, я не видала, потому я все время занявши по хозяйству, с утра еще присевши не была... Слушаю-с, слушаю-с. *(Вешает трубку.)* Барин сейчас домой будет. *(Показывает на телефон.)* Не люблю я эту штуковину. Нехорошая. И кто ее сочинил – худой человек был и, не благословясь, сочинял. Висит тут на стене, да ябеду разводит. *(Передразнивает.)* Да дома ли Серафима Ананьевна, да что делает? Нет, уж коли ты из дому ушел, так нечего тебе на своем отдалении любопытствовать. Приедешь домой, тогда и спросишь своим человеческим голосом, а не через, прости Господи, дьяволу трескучку. Серафима Ананьевна тоже без дела не сидит. *(Присаживается к столу, берет карты.)* Серафима Ананьевна всю жизнь работает. Вот когда на фатере жила, так чулком питалась, с утра до вечера шерстяные чулки вязала. И хожу вяжу, и сижую вяжу, и ем вяжу, и сплю вяжу. Вызвали меня в суд свидетельницей – баба там при мне на базаре слова произнесла. Ну пошла я в суд и, конечно, чулок с собой. Сижую, вяжу. А судья говорит: «Вы, говорит, свидетельница Светоносова, работу свою прекратите». А я ему говорю: «Ты, батюшка мой, тут сидишь, так тебе за это деньги платят, а меня хочешь, чтобы я даром сидела, да еще и работать не смей. Кабы ты, говорю, чулком питался, так другое бы говорил». *(Раскладывает карты.)* Ну-с... А у ног твоих семерка червей.

Луша. Пойдемте, Серафима Ананьевна. Сейчас барин вернется, осерчает.

Серафима. Постой, погоди... семерка червей. И сердце твое, значит, на семерке успокоится. *(Входит Елизавета Алексеевна. Луша убегает.)*

Арданова *(улыбается, в руках у нее большой букет маков, напевает)*.

Танцуй, Робинзон.
Мы тебя прославили,

На ноги поставили,
Танцевать заставили,
Танцуй, Робинзон.

(Поднимая голову.) Ну что это вы право, Серафима Ананьевна. Нашли тоже время. Сейчас гости придут, а вы тут со своим гаданьем! Сколько раз я вам говорила...

Серафима *(лебезит)*. Я и то говорю, пойдем, барыня осерчает. Экая ты, право, Лушка какая. Да мне и не надо. У меня у самой от заботы такое сильное переутомление, что вот даже на щеке плюс.

Арданова *(перебивая)*. Да уж хорошо, хорошо. Кто это звонил по телефону?

Серафима. Барин звонили. Сейчас приедут.

Арданова *(ставит цветы в вазы)*. Вот так... Слушайте, Серафима Ананьевна, не узнали вы насчет цветов?

Серафима *(таинственно)*. Узнавала, барыня, узнавала, да такой мальчишка треклятый, ни за что не говорит. Почитай две недели носит, а ничего от него не выпытаешь.

Арданова. А вы спросили, из какого магазина?

Серафима. Спрашивала. Ничего не говорит. Уж я его и корила, уж я его и срамила. Молчит, да и все тут. Мне, говорит, не приказано ничего отвечать. Мне, говорит, приказано только отдать этот мак, да и уходить. Я, говорит, права не имею с вами разговаривать. Уж я его ругала, ругала. Коли ты, говорю, с этих лет права соблюдаешь, так из тебя потом что выйдет? Беглый каторжник из тебя выйдет – вот что.

Арданова *(смеется)*. Что вы за ерунду плетете.

Серафима *(заискивающе улыбается)*. Уж это я так, чтоб его попугать.

Арданова. Пойдите приготовьте все поскорее к чаю.

Серафима. Уж я и то говорю Лушке, что уж не знаю, будет меня барыня ругать или не будет. А я уж везде пыль вытерла. Может, они меня за это заругают...

Арданова. Ну что вы глупости говорите.

Входит Арданов. Серафима уходит.

Арданов. Здравствуй, Лизок. Вот тебе твои деньги. *(Передает ей пакет.)* Сорок тысяч.

Арданова *(берет пакет, смеется, приплясывает)*. Сорок тысяч. Сорок тысяч. Танцуй, Робинзон. Мы тебя прославили... На ноги поставили.

Арданов. Давай, я спрячу.

Арданова. Погоди. Дай поплясать. *(Обнимает пакет и кружится.)* Никогда еще с таким кавалером не плясала, которому цена сорок тысяч. Танцуй, Робинзон. *(Останавливается.)* И как можно было дать такую уйму денег за этот старый гриб Вознесенское. Ведь уж такая гадость была, такая тоска, мох да клюква.

Арданов. Ну что ты понимаешь. Там земли много. Ну дай я спрячу.

Арданова. Все-таки весело, что у меня столько денег. Боюсь только, что, пожалуй, мама рассердится. Ведь это ее имение-то было.

Арданов. Ну раз она тебе его подарила, так ты имеешь полное право делать с ним, что хочешь. Ну дай же я спрячу.

Арданова. Куда же ты спрячешь?

Арданов. Да вот хоть сюда в бюро. А в понедельник отвезу в банк.

Лушка *(вбегает)*. Ворохловы на моторе подъехали.

Арданова. Иду, иду.

Уходит. Арданов запирает деньги в бюро и уходит тоже. Оба тотчас же возвращаются с супругами Ворохловыми. Илюшечка идет за ними.

Ворохлов. Бывал здесь, бывал. Еще при покойном исправнике бывал. *(Оглядывает комнату.)* Ну, у вас здесь, конечно, все по-новому, как говорится, стиль декаля.

Ворохлова. Очень, очень у вас хорошо. Мне вот и Илюшечка нахваливал, что хорошо.
Илюшечка садится в угол, уткнув нос в альбом.

Арданова. Садитесь, пожалуйста. Илья Иванович. Глафира Петровна.

Ворохлов. Сядем, сядем. Отчего не сесть. Сегодня, значит, литки пить будем? За сколько именице-то продали? Лизавета Алексеевна?

Арданов. За сорок тысяч.

Ворохлов. Ну что же, и то деньги. *(Луша вносит поднос с чаем.)* Если бы я знал, что вы продаете, я бы, пожалуй, и сам купил.

Ворохлова. Ну и на что тебе?

Ворохлов. А я и сам не знаю. *(Задумчиво.)* Видно, прынт такой.

Арданова. Что?

Ворохлов. Нет, это я так.

Арданова. Глафира Петровна. Вареньица?

Ворохлова. Свеженького? Много теперь ягоды носят. У нас уже 4 пуда наварено. Да и с прошлых годов пудов 7 аль 8 осталось. Варю нынче, а сама думаю, и куды это все и на что это все. И чего я варю, и сама я не знаю, чего я варю, а вот варю.

Ворохлов *(мрачно).* Прынт такой, оттого и варишь. Все на свете по прынту делается.

Елизавета Алексеевна, отвернувшись, тихонько смеется, потом подходит к Илюшечке.

Арданова. Илья Ильич, чашку чаю. Что вы так тихо сидите?

Илюшечка *(очень смущенно).* Благодарю, я... дома пил, я с удовольствием, не хочу.

Ворохлов *(с сокрушением покачивая головой).* Не везет мне в сынах. Один спился, сброджился, а другой вот, стиль декаля. Старшего-то в Лондон посылал. Исправник покойный правду говорил: «Выпороть его надо, а не в Лондон».

Ворохлова. Ну что же говорить, исправник они, конечно, человек начитанный, а где уж нам-то различать, когда человека пороть надоть, а когда его в Лондон. А и то сказать, какой ни на есть Петруша наш, иначе добрые люди им не брезгивают. На прошлой неделе Чеканевы сватов присылали.

Арданов. Это какие Чеканевы?

Ворохлова *(гордо).* А такие, что при своих средствах и винокуренной завод свой. И очень, говорят, нам с вами породниться приятно, и живем мы, говорят, слава Богу, и у нас маменька с утра в шелковом платье в гостиной сидят и пасьянс раскладывают. Вот как добрые люди про нашего Петрушу думают.

Ворохлов. Ну. Распавлинила хвост.

Входят Полина Григорьевна и Долгов.

Полина. Бонжур, бонжур. Вот Андрей Николаич у нас сидел, я и его с собой притащила. Я мелодия, а он мой акомпаниман. Хи-хи-хи.

Арданова. А что же Петр Петрович?

Полина. Ах, право не знаю. Он все возится со своим пернатым царством.

Ворохлов. Это что же, кур разводит, что ли?

Полина. Нет, у него теленок и две свиньи.

Арданов подвигает стул Полине.

Полина. Нет, я хочу рядом с Ильей Иванычем. Илья Иваныч наш меценат.

Ворохлов. Это к чему же? Как понимать?

Полина. В полном смысле. Вы наш городской покровитель, и вы пожертвовали в приют пять мешков крупы. Я все знаю.

Долгов. Восторг, восторг и восторг, Полина Григорьевна, дайте мне скорее поцеловать вашу ручку. *(Целует и говорит серьезно.)* Мерси. Вы сами не подозреваете, сколько вы можете доставить чистой радости.

Ворохлова. Как это все по-столичному.

Долгов. Что?

Ворохлова. Обращение, говорю, очень московское.

Ворохлов. Теперь и наш город немногим чем Москве уступит. И телефон есть, и электричество есть, и на моторах ездим, а еще поживем, так я к вам на эропланте прилечу в карты играть. Фррр...

Ворохлова. Ой, батюшки страсти.

Ворохлов. А как подумаешь, так ведь 20-то лет тому назад у нас здесь еще и железной дороги не было. Нда-с. Далеко мы шмыгнули. Ух, как далеко. Самих себя не видать.

Входит Клеопатра Федотовна и Иван Андреевич. Здравуются.

Клеопатра. Ах, как я была поражена, когда я узнала, что вы продали Вознесенское. И зачем вы продали?

Арданова. Надоело уж очень. Я все равно каждое лето к маме уезжала, а зимой там жутко. Лучше жить здесь, в городе.

Клеопатра. Какое чудное имение. Мы когда-то с Иван Андреичем туда за грибами ездили. Помнишь, Иван Андреич? Хи-хи-хи, Полина Григорьевна, я вам потом что-то расскажу.

Полина (жеманьясь). Ах, уж вы всегда. Анфан терибль {Ужасный ребенок (от фр. enfant terrible).}.

Во время разговоров Долгов пристально смотрит на говорящих, внимательно слушает каждого, улыбается про себя.

Арданова. И мужу надоело это Вознесенское.

Клеопатра. Ну что ж, в городе можно было сезон проводить, а остальное время в деревне.

Ворохлов. У нас на Волге тоже сезоны были: комариный, мошкариный и вохры. Уж что лучше, не знаешь. Комары сосут-сосут. Уж на что худо, а пойдет мошкариный сезон, да как ползет мошкара и в рот, и в нос, и в глаз, вздохнуть не даст. А уж как вохра донимать начнет, так уж тут и комара голубчиком вспомнишь.

Иван Андреевич. А по-моему, и в уединении можно не без пользы время провести. Вот я, например, занимаюсь, кроме службы, серьезным делом, так мне времени еще не хватает.

Долгов. А чем, если не секрет, вы занимаетесь?

Иван Андреевич. Изобретаю. Я изобретатель. Хочу изобрести такую машинку, которая бы каждое утро в определенный час нас будила. Это очень сложная вещь. Машинка эта будет снабжена специальным звонком или трещоткой. С вечера вы ее заводите, и утром она начинает звонить. Вот только еще не придумал, как так сделать, чтобы она звонила ровно в определенный час.

Арданова (смеясь). Иван Андреевич, да ведь это же просто будильник. Самый обыкновенный будильник.

Иван Андреевич (растерянно). То есть это как так?

Арданова Ну да, конечно, с вечера заведете, а утром он и затрещит.

Иван Андреевич (обиженно). Ну этак можно про все сказать. Да это и неважно, это я между прочим изобретал. А главное мое изобретение – это кинематограф. Хочу кинематограф изобрести.

Арданова. Господи, да ведь он уже давно изобретен.

Иван Андреевич (ядовито). Так что же из этого? То ихний кинематограф, а то будет мой. Еще неизвестно, чей окажется лучше.

Арданова (Илюшечке). Илья Ильич, садитесь к нам сюда, вам там одному скучно.

Илюшечка (испуганно). Нет, нет, что вы, Лизавета Алексеевна. Мне ужасно, ужасно весело.

Ворохлов. Оставьте его, барынька. Ишь, ему весело. (*Задумчиво.*) Не везет мне в сынах.

Арданов (*Долгову*). А вы на этот раз надолго в наши края, Андрей Николаевич?

Долгов. Да, вероятно, до осени. Мне тут нравится, да и дела кое-какие.

Входит Серафима.

Серафима (*свистящим шепотом Ардановой*). Карточные столы в кабинете приготовлены.

Арданова. Хорошо, хорошо.

Серафима уходит.

Долгов. А это что за тип?

Арданов. Это Серафима Ананьевна г-жа Светоносова, домоправительница и мажордом. Совершенно крепостная душа.

Ворохлова. Ну уж где там. Разве теперь такие преданные бывают, как в крепостное время. Теперь ни за грош господ своих за продукты продадут и выдадут.

Долгов. Вот это-то именно и есть крепостная душа: она и преданная, она и предательница.

Ворохлова. Ну уж это вы, батюшка, так только по-ученому путаете.

Ворохлов (*Иван Андреичу*). Там против вас, кажется, большой пустырь есть? Так вот я этот самый пустырь купить хочу. Цементный завод строить.

Ворохлова. Господи, Твоя воля. И все-то ему надо, и все-то ему надо. И на что ему все это?

Иван Андреич. Пустырь есть. Большое место.

Ворохлова. И на что ему все это? Своего девать некуда.

Ворохлов. Молчи. Прынт такой. Стало быть, и надо. (*Долгову.*) Вы чего смеетесь?

Долгов (*серьезно*). Нет, я не смеюсь. Я просто только с большим интересом и удовольствием слушаю вас. Именно с большим интересом и удовольствием. (*Садится.*) Я ведь с детства помню, когда еще мой отец здесь предводителем был.

Ворохлов. Как же, как же, Николай Петровича очень помню. Растатырлив больно был, все просадил, а умный был человек.

Долгов. Вот теперь я здесь. С детства не был. Думал прямо, не узнаю своего старого гнезда. Действительно – телефоны и электричество, и железная дорога. Перемен много. Но чем больше смотрю, тем больше узнаю свое родное, незабытое. Помните, Федосья Карповна была, почтмейстерша? Наверное, Илья Иваныч помнит. Говорят, умерла. Я уж жалел, что не увижу. Очень был интересный тип. А потом смотрю, – тут мелькнуло, там мелькнуло... Здравствуйте, дорогая Федосья Карповна. Поздравляю вас с бессмертием.

Ворохлова. Ой, что вы, батюшка, страсти какие. Чудит вам, что ли?

Долгов. И все живо и все живы. И все нетленно и все бессмертны. Ну не радость ли это?

Полина. Се-т-афре. Это у вас просто нервное.

Ворохлова. Теперь от нервов, говорят, очень морковь помогает. Прямо натрут морковь на терке и нервы помажут. (*Ардановой.*) Вы чего на меня смотрите? Тоже ведь не зря ума, а который, значит, нерв расстроивши, тот и мажут.

Арданов. Говорят, у нас Тройков хороший доктор был.

Иван Андреич. Он мою тещу от смерти спас.

Ворохлов. Был да весь вышел. Спился. Теперь и рецепту написать не может. Фершал за него пишет. А поделом. Не пьялся. С каким форсом приехал. (*Передразнивая.*) Да что вы. Да как вы живете. Да то, да се, да воскресные школы, да союзы, да демократы, да рабочих страхуй. (*Злобно.*) Ничего. Прищемили хвост. Думал, к дуракам попал. Покрепче твоей спринцовки сила есть. Раз тебя по карману. Раз тебя по чести. Вот тебе наука, вот тебе демократы. Получай. Ха-ха. Что, навоевался? Кишка тонка. Сиди, не вякни. А фершал за тебя пусть рецепты пишет.

Арданова (*помолчав*). Вот вы какой, Илья Иваныч. Сами говорите, что он доктор был хороший, так чего же вы радуетесь, что человек погиб?

Ворохлов. Не лезь противу прынту. Болтай фалдами там у себя, в Москве, али где. Может, там тебя и будут слушать.

Долгов. Почему же вы так на него обиделись, Илья Иваныч? Ведь вашему делу от воскресных школ никакого бы убытку не было.

Ворохлов. Эк хватил. Мне от евовных идей ни от одной убытку быть не могло. Я и ни фабрикант и ни что. Мое дело хлебное. У меня расшивы, да техвинки, меня фабричное дело не касается.

Долгов. Так чего же вы?

Ворохлов. А вот как. Вот не хочу. Прынт, значит. И не лезь. И спорить со мной не советую.

Ворохлова начинает всем испуганно мигать – бросьте, мол, не раздражайте.

Арданов. Ну конечно... собственно говоря, прынцып... Конечно.

Ворохлова (*меняя разговор*). А вот уж я ни за что не хотела бы в столицах жить. Нехорошо в столицах. Больно там у них нищие набалованы. Уж и не спорьте, уж это я на себе испытала. Приехала я весной в Питер процент получать. Подсчитала, значит, дома, сколько полочки будет, и все досчитаться до толку не могу: то выходит на три тыщи больше, то выходит на три тыщи меньше. Вот я и дала обет нищего-то в Питере хлебом наградить, чтобы мне Бог на три тыщи проценту больше послал. Взяла я с собой хлеб, целую ковригу, хороший хлеб, монастырский, с тмином. Да еще пару огурчиков прибавила соленьких, чтобы ему, нищему, повкуснее было. Ну пошла это я в банк и ковригу с собой волоку. Тяжелая. Искала, искала нищего, еле нашла: бегамши-то чуть в банк не прозевала. Даю ему хлеб, огурчики, все как следует. Вот, говорю, помолись об успехе рабе Божией Глафире. Так чтоб вы думали? Ведь не взял. Мне, говорит, деньгами подавай. Так ведь намучилась. Племянника со Стрельны с дачи выписала. Ему препоручила. А и он кобенится. Я, говорит, студент, мне, говорит, неловко с ковригой-то. Двадцать рублей ему подарила. Сунул кому-то хлебец-то мой. Сдержала я обет. Ну процент хорошо получила, как хотела. Не люблю ваших столиц.

Ворохлов. Никто туда тебя и не гонит.

Арданов. Однако, господа, не будем терять золотое время. Столы приготовлены, займемся делом.

Ворохлова. Ох, уж мне-то бы и не следовало. Уж больно я плохо играю.

Полина. Да что вы, Глафира Петровна, да вы чудесно играете. Да вы прямо профессор. (*Все уходят. Полина берет под руку Клеопатру и задерживает ее.*) Клеопатра Федотовна, шери {Дорогая (от фр. cheri)}. Как вам нравится Андрей Николаевич? Нет? вы скажите правду, правду. (*Илюшечка встает и на цыпочках отходит вглубь комнаты*).

Клеопатра (*с гримасой*). Жидковат.

Полина (*с негодованием*). Какой вздор! Он именно великолепно сложен. Именно великолепно. Стройный, ловкий. Я положительно вас не понимаю.

Клеопатра. Вы так говорите, потому что никогда не видели действительно красивых мужчин. Вот если бы вы видели моего Ивана Андреевича, то есть его спину, вы бы не то запели.

Полина (*с любопытством*). А что бы я запела?

Клеопатра. Да уж не знаю, что. Это ваше дело. Вот уж хоть мне и муж, но я должна сказать правду – божественная красота. Представьте себе Аполлона Бельведерского. Видали?

Полина. Видала.

Клеопатра. Ну так вот. Спина у Ивана Андреевича – вылитый Аполлон Бельведерский, только гораздо интеллигентнее.

Полина. Да что вы, ну кто бы подумал? Ах, шери, как все это интересно.

Клеопатра. А вы носитесь с вашим Андреем Николаичем. Что он, очень в вас влюблен? Я ведь никому не скажу.

Полина. Безумно влюблен. Он у нас уже три раза обедал. Настоящее безумие.

Клеопатра. А что же он говорит?

Полина. Ах, массу говорит. Массу. И знаете, как он умен. Ах, до чего он умен. Это настоящий философский ум. Муж недавно говорит, что он любит деревню, а Андрей Николаич ему в ответ: зачем вам ехать в деревню, когда у вас в доме такой большой сад?

Клеопатра. Ну, воля ваша, ничего в этих словах мудреного нет. Это и каждый может сказать.

Полина. Ах, финисе {Прекратите (от *фр.* finissez)}. Ничего подобного я ни от кого не слыхала.

Клеопатра. Просто вы в него втюрились, вот вам и кажется.

Полина. Я втюрилась? Что за выражение? Это вы воображаете, что у вашего мужа бельведерская спина и что все должны...

Арданова (*вбегая*). Полина Григорьевна, Клеопатра Федотовна, вас ждут. Идите скорее. (*Полина и Клеопатра уходят вместе с ней.*)

Долгов (*входит, держа под руку Ворохлова*). А я хотел вас попросить, милейший Илья Иванович, не можете ли вы мне ссудить немножко денег?

Ворохлов. С удовольствием, с удовольствием. Вам сколько: пятерочку? десяточку?

Долгов. Нет, мне не пятерочку, мне рублей восемьсот. Ненадолго.

Ворохлов. Восемьсо-от. Нет, вы уж на меня не пеняйте. Не могу-с. Это я никак не могу-с. И раньше не мог и потом никогда не смогу. Уж не осудите.

Долгов (*смеется*). Я ведь это знал! Ха-ха-ха. Я ведь знал, что вы так скажете. Я нарочно и спросил. Не сердитесь, я пошутил.

Ворохлов (*смотрит на него лукаво, но без улыбки*). Ничего-ничего, я ведь знал, что шутите, я ведь это тоже шутя, отказал-то.

Долгов громко смеется. Оба уходят.

Арданова (*входя*). Илья Ильич, где вы? Где же вы?

Илюшечка. Я здесь, Лизавета Алексеевна. Я здесь.

Арданова. Вам скучно, Илюшечка. Да что с вами поделаешь. В карты вы не играете, разговоров не разговариваете, за дамами не ухаживаете. Ну, садитесь сюда. Скажите, вам нравится Полина? (*Садится на диван.*)

Илюшечка. Нет, Полина Григорьевна мне не нравится. Конечно, она очень милая. Только мне не нравится.

Арданова (*улыбаясь, напевает*). Танцуй, Робинзон. Мы тебя прославили, на ноги поставили... Илюшечка, что это за дурацкая песенка? Привязалась ко мне, не дает мне покоя вот уже второй день. Надоела, и такая неотвязчивая.

Илюшечка. А я вам новую книжку стихов принес. Только ведь сегодня нельзя будет читать?

Арданова. Не знаю, может быть, позже. Русские стихи?

Илюшечка. Да, русские. Я больше люблю русские. А вы?

Арданова. Скажите, Илюшечка, какого вы мнения об Долгове.

Илюшечка. Я не знаю.

Арданова. Не знаете? (*Задумчиво.*) Вот и я тоже не знаю. (*Думает.*) Илюшечка, о чем вы сейчас подумали?

Илюшечка. Я все обдумываю один план. Я ведь ужасно стихи люблю. Так вот, если, не дай Бог, папенька умрет и если, Бог даст, оставит мне состояние, так я непременно начну журнал издавать. Приглашу самых, самых лучших поэтов. Господи, как хорошо будет. Как славно.

Арданова (*улыбаясь*). Смешной вы мальчик. Скажите, Илюшечка, ведь вы не будете пьянствовать? Правда, не будете?

Илюшечка. Нет, Елизавета Алексеевна, никогда не буду. У меня, Лизавета Алексеевна, когда я маленький был, гувернер был, француз мосье Бажу. Так он страшно пил и, чтоб я маменьке не выдал, потихоньку меня наливкой угощал. Ведь если б у меня склонность была, я бы привык, а вот, видите, меня не тянет. Так я принесу книжку, у меня в передней?

Арданова. Ну, хорошо.

Илюшечка уходит. Лизавета Алексеевна смотрится, напевая, в зеркало. Входит Долгов.

Долгов. Вы одна?

Арданова (*несколько испуганно*). Да.

Долгов. Я хотел бы вам сказать... Елизавета Алексеевна, помните, недели две тому назад, вы как-то сказали, что любите красный мак. И вот... Словом, те цветы, которые вы получаете каждое утро... это я их вам посылал. Вот все, что я хотел сказать.

Арданова (*растерянно*). Мне кажется... что я это знала.

Долгов (*смотрит ей пристально в глаза*). Мне кажется, Лизавета Алексеевна, что мы очень, очень многое знаем друг о друге. (*Выпрямившись*.) Теперь я пойду.

Арданова (*встрепенувшись*). Подождите, подождите. (*Протягивает к нему руки*.) Я должна вам сказать...

Входит Арданов.

Арданов. Ах, вы здесь, Андрей Николаевич. Идемте же.

Долгов идет к двери. Арданов остается.

Арданов. Представь себе, Лиза, Ворохлов непременно тащит меня отсюда в клуб. Да и Иван Андреич тоже собирается. Придется пойти, хотя я и дал тебе слово. Но ты сама понимаешь, как-то неловко отказываться. Играть я, конечно, не буду, я только так...

Арданова (*рассеянно*). Хорошо, хорошо...

Арданов. Так я иду. Поторопись с ужином. (*Уходит*.)

Илюшечка (*входя*). Вот моя книжка.

Арданова. Илюшечка. Милый. (*Закрыв лицо руками, опускает голову на стол*.)

Илюшечка. Что случилось с вами? Лизавета Алексеевна?

Арданова. Случилось, Илюшечка. Случилось.

Илюшечка (*испуганно*). Что?

Арданова. Страшное случилось.

Илюшечка (*отчаянно*). Лизавета Алексеевна.

Арданова (*поднимает голову*). Что вы, Илюшечка? А может быть, это и ничего. (*Смеется*.) Может быть, это только смешно. Знаете, Илюшечка, как будто все затеяли танцевать вальс или какую-нибудь польку трамблан: и Полина Григорьевна, и Клеопатра Федотовна, и ваш папенька с маменькой, и я с вами или... с кем-нибудь другим, совсем приготовились, уж в пары встали, и вдруг музыканты вместо этой самой ожидаемой польки трамблан заиграли Бетховенскую симфонию. Ведь это, пожалуй, и смешно? Илюшечка?

Илюшечка. Я не знаю, о чем вы, Лизавета Алексеевна. Я вижу только, что вы очень встревожены. Хотите, я вам стихи прочитаю? (*Читает стихи, тихо, нараспев*.)

В замке был веселый бал,
Музыканты пели,
Ветерок в саду качал
Легкие качели,
В замке в сладостном бреду
Пела, пела скрипка...

Арданова (*перебивая*). Это чье?

Илюшечка. Поэта Бальмонта.

Арданова. Он умер?

Илюшечка. Что вы, что вы. Он жив. Молодой.

Арданова. Как хорошо. А я почему-то думала, что все поэты давно, давно умерли...

Илюшечка. Ах нет, они живы. Они всегда живы.

Арданова (*медленно проходит по комнате, вдруг останавливается, оглядывается точно с изумлением, говорит тоскливо*). **Илюшечка.** Что мне делать? Что мне делать, Илюшечка?

Илюшечка (*тихо опускает голову, потом раскрывает книгу и начинает читать стихи*):

В замке в сладостном бреду
Пела, пела скрипка,
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.
И кружились под луной,
Словно вырезные,
Опьяненные весной
Бабочки ночные...

Занавес.

Действие второе

Комната Ардановой, небольшая, уютно обставленная. Арданова одна. Вечер – горят лампы.

Арданова (*смотрится в зеркало, поправляет волосы, платье, напевая*):

Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее
Музыка звучала.

Арданов (*входя*). Чего ты все вертишься?

Арданова (*смеясь, отвечает, напевая*):

Оттого, что там в пруду
Золотая рыбка.

Арданов. Перестань. Раздражает это ужасно.

Арданова (*затихнув*). Какой ты всегда сердитый. Чего ты все злишься?

Арданов. Радоваться, кажется, нечему.

Арданова. Какое бы то ни было хорошее настроение, достаточно тебя увидеть – все гаснет. Ты прямо какой-то ходячий огнетушитель. Тебя нужно рекомендовать пожарным обществам.

Арданов. Очень остроумно. (*Зевает.*) Какая тоска. Хоть в клуб пойти, что ли.

Арданова. Все к этому, очевидно, и ведется.

Арданов. Что такое ведется? Вечно ты вздор говоришь.

Арданова. Это у тебя, верно, такая примета – перед тем, как в клуб идти, нужно сначала со мной поссориться.

Арданов. Ах, перестань, пожалуйста. С тобой ни о чем говорить нельзя. Вечные придирки.

Арданова. Коля. Что с тобой? Когда я к тебе придиралась?

Арданов (*хватаясь за голову*). Вечные сцены. Вечные сцены. Вечные сцены. Господи, когда же это наконец кончится?

Арданова. Ничего не понимаю.

Арданов. Ты никогда ничего не понимаешь.

Арданова. Я понимаю только одно. Только одно. Я понимаю, что ты меня не любишь, если тебе доставляет удовольствие изо дня в день сердиться на меня без всякой причины, без всякого смысла. Ведь это так тяжело и скучно.

Арданов. Я не виноват, что я нервный человек, а ты меня все время назло раздражаешь.

Арданова. Зачем ты так говоришь, ведь ты же знаешь, что это неправда. Ты делаешь все, чтобы я себя почувствовала лишней в твоём доме. Ты или уходишь на всю ночь, или злишься на меня. Что же мне делать?

Арданов. Во всяком случае, не делать сцен. (*Круто поворачивается и уходит из комнаты.*)

Входит Серафима.

Серафима. Виновата, барыня, может, что прикажете?

Арданова. Что? Мне ничего не нужно.

Серафима. А я сижу да думаю, дай-ка я у барыни спрошу, не нужно ли им чего. Завтра гости рано придут, так может лучше, что с вечера приготовить. И знаете, барыня, ужасно у нас много на кухне дров жгут, и прямо такое воспаление, что дышать невозможно. И к чему так? И дрова тоже денег стоят, а у кухарки, у Агафьи, нет в дровах никакого проникновения. Смотреть на них, так за господское добро сердце на пятнадцать кусков рвется. Мне господское добро дороже своей руки либо ноги. Ей-Богу. Что мне врать-то, вот образ-то на стене... (*Помолчав, залезбила.*) И какой я, барыня, сон нынче странный видела. Будто отдаете вы мне ваше платье коричневого, прошлогоднее-то, про которое вы говорили-то, что больше носить-то не будете. Оно и действительно, что вы уж его и не носите. Так вот, во сне-то будто вы мне это платье отдаете и говорите: «Носи, Серафима Ананьевна, это платье на доброе здравие, отдаю его тебе, потому что мне так Богородица велела». И так это я во сне даже от радости заплакала. И вот уж и не придумаю, к чему бы это такой сон.

Арданова (*чуть-чуть улыбаясь*). Возьмите себе это платье. Оно мне не нужно, я о нем совсем забыла.

Серафима (*целуя Арданову в плечо*). Матушка вы моя, барыня вы моя золотая. Вот он, сон-то, к чему. Это, говорят, за праведную жизнь Господь вещие сны посылает. А жизнь у меня праведная, и сердце у меня чистое. Вот теперь у нынешних у всех уважатели. Кухарка уж на что худорожая, и у той уважатель. А меня и смолоду никто не уважал. Барыня вы моя милая, только и любви-то я в своей жизни видела, что вы меня пригрели. (*Вытирает глаза платком.*)

Арданова. Ну, полно, Серафима Ананьевна, что вы расстраиваетесь. Никто же вас не обижает.

Серафима. Ах, барыня золотая, кабы не вы, давно бы они меня со свету сжили. Давеча почталион, уж на что сам холера в сапогах, а говорит: «От вашей Анантихи панафидой пахнет, ей, говорит, давно бы пора поросычий прыск под кожу делать, чтобы она, чучело, скорей поворачивалась». Ведь обидно это, барыня милая, ведь кабы не вы, заступница моя светлая...

Арданова. Ну, охота вам обращать внимание.

Серафима. Конечно, может, я теперь для людей и чучело стала, а не всегда я такой была. Росла я молоденькой у мамочки, любила меня мамочка моя. Фимочка, говорила, птичка ты моя райская. А и правда, я как птичка была. Все-то щебечу себе да прыгаю. И жених у меня был, очень светский был, из хорошего общества, телеграфистом служил, а сам, как бутон рослый. Фимочка, говорит, птичка ты моя райская, и где, говорит, птичка, твое приданое. Уж и плакали мы с ним, уж и плакали. Потому он очень благородный был и никак без приданого жениться не мог. (*Вытирает глаза.*) Хороша я была у мамочки своей. Мамочка моя светлая, свеча моя негасимая. А теперь-то изолгалась, изокралась, испоганилась, плюсами обросла. Барыня, милая, что я вам скажу – никому не говорила этого, вот вам первой.

Арданова. Что такое?

Серафима. С мамочкой-то моей, какой конфуз вышел. Уж такой конфуз, что и за душеньку ее молиться не могу. Мамочка-то моя без погребения померла. Пошла она в Киев на богомолье, да и не вернулась. И где, и что, и не видал никто. Вот уж десять лет прошло. И куда она делась, не знаю. Может, тюкнул кто, на худобу ейную польстился – много ли ей надо, старушечке маленькой. Вот и не знаю, как за нее молиться-то – за живую, али за мертвую-то. То запишу в поминанье, то опять в за здравие. Вот никому не говорила, барыня милая, вам первой. Потому душу свою за вас отдать рада.

Входит Арданов. Серафима на цыпочках уходит.

Арданов. Ну-с, я ухожу.

Арданова. Я этого ждала.

Арданов (*сухо*). Тем лучше.

Луша (*входя*). Господин Долгов пришел.

Арданов. Проси сюда.

Арданова (*испуганно*). Коля, только ты не уходи, Коля.

Арданов. Пожалуйста, без сцен при посторонних людях.

Входит Долгов.

Арданов. Здравствуйте, Андрей Николаич, вы меня извините – необходимо на пару часов по одному делу. Я даже не прощаюсь с вами, потому что надеюсь вас еще застать.

Долгов. Я только на несколько минут... Лизавета Алексеевна обещала дать мне «Русскую мысль».

Арданов. Нет, нет, уж вы, пожалуйста, посидите. И не забудьте, что мы ждем вас завтра к двенадцати на пирог. Кое-кто соберется.

Долгов. Как же, я помню. Непременно. День ваших именин. Непременно буду.

Арданов. Так пока до свидания. Я очень скоро вернусь.

Уходит.

Арданова (*ему вслед*). До свидания, Коля. (*Арданов, не оборачиваясь, уходит.*)

Долгов. Отчего вы покраснели? Неужели вам это не безразлично?

Арданова. Во-первых, я вовсе не покраснела.

Долгов. А во-вторых?

Арданова. А во-вторых – ничего.

Долгов. О женщинах давно известно, что они всегда говорят – «во-первых», как будто много-много хотят сказать, а хватает их только на это «во-первых».

Арданова. Вы хотите мне говорить дерзости?

Долгов. Да, хочу. Я очень рассердился.

Арданова. На что?

Долгов. На то, что вы покраснели. Мне это ужасно больно. Скажите мне правду... Скажете?

Арданова. Не знаю. Впрочем – нет – знаю. Не скажу.

Долгов. Этого не может быть, вы его не любите. Вы молчите? Ведь это тип, понимаете – тип. В каждом провинциальном городишке есть таких двое-трое. Картежник. Он очень мил, конечно, симпатичен. Но ведь не для вас. Он для той институточки, какую вы были семь или восемь лет тому назад, когда вышли за него. Вы молчите? И то хорошо, что вы молчите. Вы бы могли заставить меня замолчать, а молчите сами. (*Берет ее за руки.*) Лизавета Алексеевна. Не нужно этого ничего. Не нужно краснеть оттого, что он не откликнулся на ваш привет. Поймите, что его не должно быть в вашей жизни. Он – это ваше уродство. Это серый налет на вашей жизни, тусклая пленка, через которую вы неба не видите. За что? Вы яркая, вы красивая, вы свободная. Вся душа у вас певучая. Музыка ваша душа. Вы не знаете, как я люблюсь на вас. Среди всех этих трупов – вы одна живая. У них у всех немые души, немые и глухие. Вы одна – музыка. Красивая моя... Вот сколько времени я слеую за вами, всюду ищу вас и каждый раз, как увижу, говорю с тем же восторгом: красивая. Если бы вы знали, какое это счастье, что вы красивая.

Арданова (*поднимает голову и смущенно смеется*). Мне стыдно, когда вы так говорите. Право. Мне хочется, как деревенской девочке, закрыть лицо руками.

Долгов. Красивая. Мне больно смотреть на вас. Мне больно думать, что с вами будет, как вы будете жить среди этих трупов. Ведь ваша душа, это музыка, которая сейчас такая тихая, ведь вспыхнет она когда-нибудь. Что с вами тогда будет, красивая, любимая, что с вами будет?

Арданова (*испуганно*). Как вы сказали? Как вы назвали меня?

Долгов (*тихо, наклоняясь к ней*). Любимая. Я сказал «любимая». Не надо бояться этого. (*Помолчав.*) Я очень тревожусь за вас. Всех их я знаю. Ведь они трупы, марионетки старого сатаны, давно и навеки заведенные. Вертит сатана ручку своей шарманки, и кружится каждый из них, как того требует накрученная пружинка. У Ворохлова «прынт». Покупает, продает, делает деньги и совершенно искренне не знает, на что ему это. Говорит, что все монастырю

завешает, потому что сыновьями недоволен. До Ворохлова был здесь Михеев, такой же до Михеева, верно, какой-нибудь Еремеев или Евстигнеев. Жена Ворохлова, Глафира, варенье варит, тоже бессознательно. Тоже «прынт», пружина прикручена. Муж ваш в карты играет. А эта ваша экономка с подвязанной щекой – разве это не крепостная душа? Все, как было пятьдесят, сто, полтора года тому назад. Сатана любит своих марионеток. Сломалась кукла – почтмейстерша Федосья Карповна, он сейчас же склеил все, подкрасил, – вышла Полина Григорьевна. Вертит Сатана ручку своей шарманки, и кружатся, кружатся толпы – все так же, всегда и навеки, разве это не жутко, любимая? *(Оба молчат.)* Вот провели железную дорогу, казалось, новая жизнь придет к вам сюда. Нет – мимо проехала новая жизнь. Провели телефоны – стали ту же ерунду и те же сплетни по телефону говорить, а выписали моторы, поехали на них в карты играть. Лизавета Алексеевна, вы загрустили?

Арданова. Нет, я вспомнила... Вы заговорили про железную дорогу, и я вспомнила, как в прошлом году зимой все ходила на вокзал, тогда вечерний экспресс проходил. Он ведь у нас не останавливается, летит мимо. Так вот я всегда ходила смотреть на него. Яркий такой, праздничный, словно огненный змей пролетит мимо и никакого ему дела нет до нас, до маленьких, сереньких. Разрежет тьму огненными искрами, пролетит и снова темно и тихо: только задымит снежная пыль между рельсами и опять ляжет. Тихо...

Долгов. Красивая моя. Придет ваш поезд. Верьте. Придет, прилетит, остановится, и войдете вы в него, и умчит он вас через тьму и тишь в яркую, звучную, огненную жизнь. Верьте мне. Так должно быть и так будет. Ведь не испугаетесь вы, когда огненный змей прилетит за вами? Не испугаетесь? Не отретечесь?

Арданова. Не испугаюсь. Не отрекусь. В самую черную тьму брошусь с ним. Нет, не испугаюсь.

Долгов. Трупов не побоитесь? Не простят они вам. Мертвые не любят живых. Это извечная вражда, а власть мертвых велика... Вы не знаете еще, как она велика. Из поколения в поколение душат они живых, – смотрят зорко и душат доктора Тройкова. Вы поняли, что это было?

Арданова. Это страшно.

Долгов. Это злоба мертвого против живого. Ворохлов старый труп, излюбленная марионетка сатаны... все это очень страшно, гораздо страшнее, чем вы думаете.

Арданова. Я не знаю... Может быть, я тоже должна была прожить эту свою жизнь тихонько, как моя пружинка велит. Я и жила так. Покорно. И не ждала ничего. А теперь... теперь я жду.

Долгов. Вы ждете.

Арданова. Огненного змея жду. *(Помолчав.)* Душно мне. Я точно чужая здесь стала. И другие, должно быть, чувствуют, что я чужая.

Долгов. Так и должно быть, красивая моя. Так и должно быть.

Арданова. Андрей Николаевич, скажите – вы знаете обо мне. Скажите – я не боюсь – скажите мне все.

Долгов. Да, я все знаю... Когда я смотрю в ваши глаза, они так широко-широко раскрываются. Вы вся раскрываетесь для меня.

Арданова. Да... да...

Долгов. Когда я смотрю на ваши губы, вы вся бледнеете и закрываете глаза и тянетесь ко мне.

Арданова *(испуганно и смущенно)*. Нет, нет, этого не было.

Долгов. Не бойтесь меня, любимая.

Арданова. Я любимая?

Долгов. Да.

Арданова *(тихо)*. Как быть?

Долгов. Будет хорошо, красиво, ярко. Будет необычайно. Только не надо бояться ни слов моих... *(Тихо.)* ни поцелуев.

Арданова *(на минуту закрывает глаза)*. Вы скоро уедете.

Долгов. Теперь я ничего не знаю. Прежде, я помню, мне нужно было ехать, потому что там ждут меня дела. Теперь ведь все новое, другое. Но торопить вас я не буду. Когда настанет час, вы сами придете ко мне.

Арданова. Отчего так тревожно мне?

Долгов. Это огненный змей летит. Не бойтесь его. Вы сказали, что не испугаетесь и не отречетесь, что отдадите себя ему для нашей, нашей, нашей жизни. *(Опускает голову на ее руки и замирает так.)* Любимая... *(Вдруг подымается.)* Теперь я пойду.

Арданова. Оставайтесь.

Долгов. Сейчас вернется ваш муж. Я не хочу с ним встречаться.

Арданова. Разве не все равно теперь?

Долгов. Нет. Мне трудно. До свидания. *(Отходит.)* Я сейчас не буду больше целовать ваши руки. Поднимите голову вот так. Я вас всегда вижу такую, когда думаю о вас... Ну, довольно... Я не могу больше... Я иду. *(Уходит.)*

Арданова *(закидывает руки за голову, стоит вся вытянувшись. Говорит, как в бреду.)* Горю... горю... *(Словно очнувшись, проводит руками по лицу, оглядывается кругом.)*

Входит Луша.

Луша. Там, барыня, Илья Ильич пришел. Просит на минуточку к вам.

Арданова. Кто такой, Илья Ильич? Как странно. Попросите. Пусть войдет.

Луша уходит. Входит Илюшечка, очень бледный и расстроенный.

Илюшечка. Простите меня, Лизавета Алексеевна, что незванный я пришел. Не мог не прийти.

Арданова. Да что вы, Илюшечка, я рада. Садитесь сюда. Бледный вы какой-то.

Илюшечка *(сидясь)*. Не мог не прийти к вам, Лизавета Алексеевна. Горе у меня, Лизавета Алексеевна. Петенька умер. Братец мой несчастенький. Умер.

Арданова. Илюшечка, милый. Ах, какое горе. Только вы не расстраивайтесь так.

Илюшечка. Папенька посылал меня в деревню хоронить его. Плохо он умер. Один. В поле его нашли. У дороги в канаве. Ведь вы знаете, Лизавета Алексеевна, ведь он бродяжка был. Он гимназию в Петрограде кончил, а потом его отец в Лондон послал. Два года он там пробыл, вернулся домой, смотрят – странный он какой-то, не в себе словно. Стали замечать – пьет. А к весне затосковал, вырезал себе посошок-палочку, берестяночку взял, надел лапотки, да и пошел... Куда пошел, видно, и сам не знал. А я это понимаю, Лизавета Алексеевна. Вы вот не поверите, может быть, а ведь я такой же. Вы не верите?

Арданова. Нет, нет, Илюшечка, я все понимаю и я верю вам.

Илюшечка. Вот и гувернер у меня был француз, и миллионером я рос, и вот еще недавно говорил вам, да и сам часто мечтаю, как получу наследство и журнал стану издавать, и поэтов всех к себе позову. А ведь я и сам ничему этому не верю. Какие мне миллионы. Душа-то ведь у меня нищая. Нищая, в лапотках ходит, с посошком да с берестяночкой.

Арданова. Ну, что вы, Илюшечка. Зачем вы говорите, что у вас душа нищая. Вот вы стихи любите. Значит, есть музыка в вашей душе, так какая же она нищая, с таким-то богатством. Это вы сейчас так расстроены оттого, что вам братца своего жалко.

Илюшечка. Нет, нет. Жалко мне братца Петеньку, но душа у меня такая же. Вот особенно весной, когда первые ручейки зазвенят, такая, ах, такая сладкая тоска затомит. Вот, верно, любовь бывает такая. Вот, когда если кто любит очень. Я ведь не знаю. Я еще никогда не любил. Зазвенят ручейки и словно позовет кто, ничего тогда не надо. Взять только посошок-палочку да котомочку-берестяночку и пойти-идти куда глаза глядят. Ветерок-то будет ласковый, цветочки-голубочки голубые придорожные от шагов моих задрожат, поклонятся:

«Здравствуйте, младший братец наш». – «Здравствуйте, – скажу, – старшие». Потому что на три дня творения цветики эти старше меня. Так вот все идти, идти. Сорвать колос в поле, растереть его ладонями, как святые делали апостолы, растереть и зернами этими голод утолить. А возжаждешь, к ручейку подойдешь. Он сам позовет, ручеек, издали позовет. Нагнешься, зачерпнешь рукой и первую горсточку прямо к солнцу вверх разбрызжешь. Пусть солнышко засмеется, в капельках подрожит, радугой вспыхнет. Играй, солнце.

Арданова. Подождите, Илюшечка. Мне кажется, что все-таки жить можно. Есть жизнь. Я знаю. Я теперь знаю, что она есть. Я прежде не знала.

Илюшечка. Вы не думайте, Лизавета Алексеевна, я многое понимаю, что у вас сейчас какая-то большая тревога есть. И не очень вам радостно.

Арданова. Нет, что вы говорите. Мне хорошо.

Илюшечка. Нет, Лизавета Алексеевна, нехорошо вам. Было бы хорошо, у вас бы не такое лицо было. Тревожно вам.

Арданова (*встает и отходит к окну, говорит, не глядя на Илюшечку*). Ах, не знаю я, не знаю. Точно сидела я долго в душной затхлои комнате, и лампа чадила, и не то что скучно, а тускло как-то было. И вдруг будто двери раскрылись. Сами собой распахнулись – никто их не трогал – сами собой. Широкие, большие... (*Закрывает глаза рукой и молчит несколько мгновений.*) Страшно мне.

Илюшечка. Я ведь ничего не могу для вас, Лизавета Алексеевна. Если бы что мог, все бы сделал. Вы ведь знаете, что вы для меня.

Арданова. Да ничего и нельзя, Илюшечка, ну что тут сделаешь. Ведь это и есть счастье. Я только никогда не думала, что счастье так тревожно, так больно чувствуется.

Илюшечка. Тревожно?

Арданова. Ведь я так тихо, тихо жила. Чуть теплилась. Кончила институт, познакомилась с Колей, через два месяца замуж вышла. И вот восемь лет так прожила. Иногда скучно было и думалось, что есть что-то, чего я не знаю, но и сама не верила.

Илюшечка. Если б я мог что-нибудь для вас. Ничего я не могу. Нищая у меня душа, с посошком ходит, с берестяночкой. (*Задумывается.*) Я пойду, Лизавета Алексеевна. Простите меня, что я так вас встревожил. (*Задумывается.*) Лизавета Алексеевна. Вы только не подумайте, что мне все равно, что я не мучаюсь и не интересуюсь знать, что с вами происходит. Лизавета Алексеевна... Я просто... Не смею спросить.

Арданова. Милый Илюшечка, спасибо вам. Я и сама ничего не знаю. Знаю только, что не пустяки это, что серьезно и важно, потому что не смеха и не веселья хочу я, и не поцелуев... да, Илюшечка, вы не подумайте... не поцелуев, а чего-то огромного, жертвы и подвига. Может быть, это смешно. Ведь каждый влюбленный гимназист прежде всего говорит даме своего сердца, что он готов из-за нее выпрыгнуть в окошко с третьего этажа. И мы смеемся. Может быть, и то, что со мной сейчас, тоже смешно. Я не знаю. Только я-то сама не смеюсь, потому что вся моя маленькая жизнь здесь, а больше ведь у меня ничего нет. Илюшечка. Мальчик мой нежный. Я, может быть, тоже уйду, но не по земле пыльной бродить, а прямо к солнцу. (*Смеется.*) Прилетит за мной огненный змей. А вас я не забуду, Илюшечка, я вам сверху золотую звезду брошу.

Илюшечка. Вы царица, Лизавета Алексеевна, и грезы ваши – венец царский. Я про себя только всегда и думаю, что когда помру я, похоронят меня, так на том месте из земли обязательно морковка вырастет, потому что уж очень я рыжий был. Вы смеетесь, а вам не весело... Тревожно вам. (*Встает.*) Я пойду. Мне бы хотелось... перекрестить вас на прощание, да вам еще, пожалуй, смешно станет. Ну, все равно. Прощайте, Лизавета Алексеевна. (*Уходит.*)

Арданова сидит, задумавшись. Входит Серафима.

Серафима. Не прикажите ли чего, барыня?

Арданова. Нет, можете идти спать.

Серафима (*помолчав, жеманно*). И до чего мне, барыня, господин Долгов нравится, прямо даже удивительно. Из всех, можно сказать. Я даже давеча Лушке говорю, какой, говорю, самостоятельный мужчина.

Арданова (*раздраженно*). Чего вам надо, Серафима Ананьевна? Погасите в комнатах и можете ложиться спать.

Серафима. Ах, барыня, милая, что-то вы будто похудевши. Уж так у меня сердце за вас болит. Так болит, что показать не умею. Ведь вы у меня, барыня, ближе матери родной. Ведь что я до вас была? Пыль. Впроголодь жила, чулком питалась. А вы меня вознесли и возвеличили и кофею со своего стола даете. Я, барыня, вот и Лушке говорю: «Я, говорю, за свою барыню не то что жизнь, а и все прочее отдам». (*Помолчав.*) А что я вам еще, барыня, сказать хотела, что очень я нашего барина люблю. Такой он человек миловидный да ласковый... уж и не знаю, сказать ли вам...

Арданова. Что такое? В чем дело?

Серафима. Конечно, не мое дело, а только должна я вам сказать, через мою преданность, что барин-то наш очень шибко играть стали.

Арданова. А вам-то какое дело? Вас это совсем не касается.

Серафима. Уж не сердитесь, милая барыня, а слышала я, как вы сегодня барина спрашивали, отвезли ли они ваши деньги в банк. Барин-то сказали, что еще не отвезли, а я так слышала, что отвезли-то они их, да не в банк, а в клуб.

Арданова. Что за вздор говорите. Деньги здесь, в бюро.

Серафима. А коли на то пошло, так я сама видела, как барин вчера ночью вернулся, да из бюры деньги вынул, да опять в клуб поехал.

Арданова. Замолчите. Я вам говорю, что деньги в бюро. Ключ у меня.

Серафима. А барин своим открывал.

Арданова (*подходит к бюро, открывает его, несколько мгновений подавленно молчит, потом опять закрывает бюро*). Конечно, деньги все тут. Идите спать.

Серафима (*смотрит хитро*). Виновата, барыня. (*Уходит.*)

Арданова (*опускается в кресло*). Душно. (*Сидит, закрыв лицо руками, и вдруг встает, выпрямляется, прижимает обе руки к сердцу, точно прислушивается к чему-то, и вдруг вся точно вспыхивает восторгом.*) Иду. (*Выходит из комнаты.*)

Занавес.

Действие третье

Кабинет Долгова. Большая комната, старинная громоздкая мебель, на стенах старые портреты. Большие книжные шкафы. На широком диване сидят Полина Григорьевна и Долгов. Сидят рядом. Долгов держит ее за руку.

Долгов. Ну, милая Полина, ну расскажите еще что-нибудь. Значит, у вас много было поклонников?

Полина. Масса. Вы даже не поверите, какая масса. Только военных очень мало. Это оттого, что у нас в городе военных нет, так что я встречалась с офицерами только, когда к сестре в Новгород ездила, или вот на железной дороге. Ах, сколько у меня было романов на железной дороге, вы себе представить не можете. У меня какая-то необыкновенная способность в пять минут влюбить в себя человека. Прямо даже смешно. В пять минут. Серьезно. Можете даже по часам проверить.

Долгов. По часам? Ну, вот отлично. В следующий раз, когда начнете влюбить, предупредите меня, и я буду следить по часам.

Полина. Ну, нечего, теперь я вижу, что вы ужасный насмешник. Вы скоро уедете?

Долгов. Только когда вы это прикажете, не раньше.

Полина. Хи-хи-хи. А если я никогда не прикажу?

Долгов. Останусь навсегда у ваших ног.

Полина. Ах, какой вы Дон-Жуан.

Долгов. Вы очаровательны, милая Полина. Каждое ваше слово я готов записывать. И не записываю я его только потому, что все равно навеки запечатаю в моем сердце.

Полина (*лукаво*). Боюсь, что вы эти самые слова говорите и Клеопатре Федотовне, и Лизавете Алексеевне, и мадам Поповой.

Долгов. О, как вы не правы ко мне, очаровательная Полина. Неужели вы думаете, что я могу слушать кого-нибудь и с таким же упоением, как слушаю вас. Вы не знаете, что вы мне напоминаете.

Полина. Ах что бы то ни было, я предпочла бы, чтоб вы в моем присутствии жили настоящим, а не прошлым.

Долгов. Милая Полина. Вы мне напоминаете далекую невозвратную страну детства. Когда я был ребенком, я жил здесь, и мне кажется, что вы приходили сюда, очаровательная Полина. Только звали вас иначе – Софьей, Анной, Раисой – не знаю. Вы приходили, сидели, пили чай с вареньем и брали меня к себе на колени.

Полина. Ах. Ке се ке ву дит {Что вы говорите (искаж. *фр.*)}.

Долгов. И говорили, говорили, так же как теперь. Я помню как сквозь сон, вижу и слышу вас. Очаровательная, бессмертная Федосья Карповна.

Полина. Почему Федосья Карповна? Почему такое безобразное имя, ничего не понимаю. Вы ужасно странный человек, Андрей Николаевич.

Долгов. Не сердитесь, Полина. Это ничего, что вы не понимаете. Это показывает, что мой восторг перед вами выше человеческого понимания. (*Звонит.*)

Полина. Зачем вы звоните?

Входит лакей.

Долгов. Подайте нам чаю и варенья. Непременно варенья. Это очень важно.

Лакей уходит.

Полина. Батюшки, какой вы привередник. Еще непременно с вареньем.

Долгов. Не для себя, очаровательница. Не для себя. Я должен видеть, как вы пьете чай с вареньем. Это ваш стиль. Понимаете? Это ваша красота.

Полина. Ах финисе. Что за декадентство.

Долгов. Ну, зачем вы такие слова говорите. Ну вот все сейчас испортили.

Лакей вносит чай, ставит на стол и уходит.

Полина. Что же я испортила?

Долгов. Все равно. Расскажите лучше, как ухаживает за вами почтмейстер?

Полина. А вы откуда знаете, что он за мной ухаживает?

Долгов. Ну разве может быть иначе, разве можно быть почтмейстером и не ухаживать за вами?

Полина. Я на него не обращаю ни малейшего внимания.

Долгов. Вы ужасная кокетка, Полина. А скажите, как вам пришлось в голову зайти сегодня ко мне?

Полина. Это вышло так, случайно.

Долгов. Как же вы не предупредили меня?

Полина. А что?

Долгов. Вы могли бы кого-нибудь застать у меня и пострадала бы ваша кристальная репутация. И, наконец, ваш супруг... Ведь не все же время занимается он своими пернатыми свиньями. Может быть, иногда приходит ему в голову вопрос – а что-то теперь поделявает моя очаровательная Полина. А? Разве это не может быть?

Полина. Пустяки. Он не может мне не верить. Жена Цезаря выше подозрения.

Долгов. Ах виноват, я ведь не знал, что Василий Петрович – Цезарь. Но вы меня, конечно, простите, я ведь человек приезжий. Ну-с, а теперь все-таки скажите, как вам пришла в голову мысль так меня неожиданно осчастливить?

Полина. Ах вы меня не знаете. Я, вообще, такая безумная и ужасно люблю играть с опасностью.

Долгов. Ну, неужели же вам было бы приятно, если бы вас кто-нибудь у меня увидел?

Полина. Ах, я не про ту опасность говорю, а совсем про другую.

Долгов. Про какую?

Полина (*кокетливо*). Про вас.

Долгов. Про меня?

Полина. Ну да. Ведь я же знаю ваше отношение ко мне и все-таки не боюсь придти.

Долгов. Ах, так вот оно что. Вам нравится подвергать опасности свою добродетель. Ах, Полина, какая вы демоническая женщина.

Полина. Разве это так чувствуется? Это вы, собственно, говорите о чем?

Долгов. Я о том, что вы демоническая женщина.

Полина. Ну да, а как вы узнали?

Долгов. Вижу.

Полина (*загадочно улыбаясь*). Ах, меня здесь никто не понимает.

Долгов. Даже почтмейстер?

Полина. Вы себе представить не можете, как тяжело жить в провинции для утонченного человека. Какие здесь интересы? Только сплетни. Ужасно. Ужасно. Буквально не с кем говорить. Клеопатра Федотовна уверяет, что она влюблена в своего мужа, а когда умер воинский начальник, кричала всем и каждому: «Ах, отчего я не вышла за него замуж. Теперь я была бы вдовой полковника и получала бы пенсию». А по-моему, это возмутительно. А Лизавета Алексеевна только хихикает. Ужасная кривляка и ломака эта Арданова.

Долгов. Ну, а почтмейстер неужели тоже не на высоте своего положения?

Полина. Все хороши. И Иван Андреич целый день ерунду изобретает.

Долгов. Как? Разве ерунда еще не изобретена?

Полина. Из сардиночных коробок делает кинематограф. А Ворохлов жулик. Знаете, когда был Пушкинский юбилей, ему город поручил купить бюст Пушкина. А он и тут надул. Взял да и купил Ломоносова.

Долгов. Ну и что же – сошло?

Полина. Учитель какой-то скандал поднял. А Ворохлов еще обиделся. Я, говорит, в интересах города. На Пушкина нынче спрос большой, а Ломоносова я дешевле купил, а в лицо все равно никто не знает. Так и отпраздновали. Речь говорили, стихи читали, Ломоносову-то про Пушкина. Ворохлов жулик, совсем серый купец.

Долгов. Бедная Полина. Как вам должно быть тяжело в такой неподходящей для вас среде?

Полина. Ужасно. Я исстрадалась. Все сплетни, сплетни. Никто ни про кого хорошего слова не скажет.

Долгов. Да, да, Полина. Вы одна счастливое исключение. Вы одна с такой необычайной нежностью говорите об них обо всех.

Полина. Вы понимаете меня, Андрей Николаевич. Ах, только вы. (*Помолчав, жеманно.*) Ну, а теперь я пойду, мне пора.

Долгов (*вяло*). Ни за что не отпущу вас.

Полина. Хи-хи-хи. А если я совсем останусь?

Долгов. Вы шутите. Это жестоко. Вы действительно демоническая женщина.

Полина. Знаете, Андрей Николаевич, уж если пошло на откровенность, вы ужасно робкий. Я вас считала Дон-Жуаном, а вы ужасно робкий. Вы, наверное, никогда не решились первый поцеловать женщину?

Долгов. Вы правы – никогда.

Полина. А если женщина сама первая поцелует вас?

Долгов. О, интересная женщина никогда первая не поцелует.

Полина. А если все-таки...

Долгов. Ну, тогда значит она не интересная.

Полина. Ну, почему же? Точно интересная женщина не может увлечься и не совладать с своим чувством?

Долгов. Ах, таких Дон-Жуанов, как я, больше всего пленяет в женщинах ее недоступность и холодность. Почему, например, вы, Полина Григорьевна, так обаятельны? А потому, что недоступны. Совершенно и окончательно.

Полина. Да... но... все-таки...

Долгов. И очень холодны.

Полина. Нет... я все-таки...

Долгов (*перебивая*). Ах, не спорьте, не спорьте. Вы недоступны, и в этом ваше очарование. Вы холодная, демоническая женщина. Вы можете свести с ума человека вашей красотой, вашим тонким кокетством, вашим умом, вашими глазами. Да, Полина, вашими чудными страстными глазами, от которых каждый потеряет голову, и потом вы встанете и уйдете, и оставите человека безумствовать.

Полина. Да, нет... я могу остаться.

Долгов. Вы шутите, Полина, вы жестоко шутите. Нет, вы не останетесь. Вы уйдете, потому что иначе вы не были бы демонической женщиной, идущей по разбитым сердцам. Я угадал вас.

Полина (*гордо улыбаясь*). Да.

Долгов (*звонит. Входит лакей*). Барыня уходит. До свидания, Полина Григорьевна. (*Целует ей руку.*) Я хорошо понял вас, очаровательница.

Полина. Адье{Прощайте (искаж. фр.).}. (*Идет несколько растерянная, но польщенная.*) Хотя я могу... (*Косится на лакея.*) Же пе ресте{Я могу остаться (искаж. фр.).}.

Долгов. Не дразните меня, очаровательный демон. До завтра. Вы будете завтра на завтрак у Ардановых?

Полина. Да. А вы?

Долгов. Раз вы будете, то о чем спрашивать. (*Уходит провожать Полину и тотчас возвращается.*) О-о. Тяжелая марка. (*Потягивается. Звонит телефон. В телефон.*) А, Евгений Петрович? С приездом. Очень рад снова встретиться. Непременно. Буду ждать вас завтра утром. А когда начнется сессия? Нет, не скажу... Арданова. Вы ее знаете?... Очень-очень красивая женщина... Значит, до завтра... (*Вешает трубку.*)

Лакей (*входя*). Там, барин, еще одна барыня вас спрашивает.

Долгов. Господи, что же это. Я спать хочу. Если она тут надолго засядет... Ну ладно. Попроси войти. (*Лакей уходит. Входит Арданова, очень бледная, глаза широко раскрыты.*) Вы?

Арданова. Я пришла.

Долгов. Счастье мое. Садитесь скорей. Я прямо не смею верить. Отчего вы такая разволнованная? Вам трудно было уйти.

Арданова (*садится, устало опускает руки и голову*). Нет, не очень трудно. Мне помогло маленькое пошленькое приключение. Мне стало противно, я отвернулась и спокойно и смело пошла. К вам.

Долгов. Но вы ужасно какая-то встревоженная?

Арданова. Нет, нет. Теперь мне совсем хорошо. Я даже не думала, что я так спокойно смогу уйти. Ушла и не обернулась. Теперь все кончено.

Долгов (*садится у ее ног и берет ее за руки*). Только не дрожите так сильно. Разве не на радость пришли вы ко мне?

Арданова. На радость или на страдание – все равно. Двери сами открылись предо мной. Широко распахнулись большие, широкие двери.

Долгов. Отчего вы так дрожите, любимая? Ну улыбнитесь мне. Я знал, что вы сами придете ко мне. Без моих просьб и настаиваний. Потому что все, что вы делаете, необычно и красиво.

Арданова. Вы знали, что я приду. И вы хотели этого, Андрей Николаевич?

Долгов. Вы спрашиваете об этом? Красивая моя. (*Целует ей руки.*)

Арданова. Знаете, когда я шла к вам сюда, я не боялась, что встречу кого-нибудь на дороге или у вас. Я так спокойно, так честно шла, у меня такое было чувство, точно я домой иду. К себе домой, к нам.

Долгов. Прилетел, значит, огненный змей?

Арданова (*восторженно*). Да. Мне кажется – я всю жизнь ждала его.

Долгов. Да, любимая. Мы оба ждали его всю жизнь.

Арданова. Сегодня был у меня Илюшечка Ворохлов. Да, это сегодня было, а мне кажется давно, давно, в какой-то прошлой, забытой жизни. Я говорила ему, что не знала, что счастье так больно чувствуется. Как это все давно было.

Долгов. Подождите, снимите шляпу, вам удобнее будет. И мне удобнее будет погладить ваши волосы. (*Арданова снимает шляпу. Долгов тихо гладит ее по голове.*) Вот так, как маленькую девочку. Мне все кажется, что вы боитесь чего-то?

Арданова. Нет, нет. Я ничего не боюсь.

Долгов. Вам хорошо со мной?

Арданова. Подождите... Я не знаю. Мне безумно, мне единственно, но хорошо ли мне – я не знаю. Счастье – оно так больно чувствуется. (*Помолчав.*) Расскажите мне, как вы полюбили меня. Я теперь все хочу знать. Потом я никогда уже не буду об этом спрашивать. А сейчас это единственное, что я хочу взять с собой из старой жизни в эту нашу, новую.

Долгов. Мне сейчас трудно говорить об этом. Я слишком весь в настоящем. Я расскажу вам об этом завтра, когда я буду у вас.

Арданова (*с испугом*). У меня?

Долгов. Что с вами, любимая?

Арданова. У меня? Я... я не вернусь домой. Я к тебе пришла совсем.

Долгов (*встает и смущенно делает несколько шагов по комнате*). Я, должно быть, не так понял вас.

Арданова. Что же вы не поняли?

Долгов. Вы простите меня, Лизавета Алексеевна, но это... это безумие с вашей стороны.

Арданова. Лизавета Алексеевна? Вы сказали, Лизавета Алексеевна.

Долгов. Ах, Боже мой. Ну да, я сказал. Я нарочно назвал вас Лизаветой Алексеевной, чтобы вы поняли, насколько серьезно то, что я вам говорю.

Арданова. Значит, когда вы называли меня любимой, вы говорили не серьезно?

Долгов. Ах, Боже мой, вы совсем ребенок, экспансивный ребенок. Вы сказали мужу, что уходите ко мне?

Арданова. Нет, я никому ничего не говорила. Я просто ушла.

Долгов. Сумасшедшая. (*Арданова смотрит на него с ужасом.*) Сумасшедшая. Почему вы так смотрите на меня? Поверьте, что я не за себя волнуюсь. Мне ничего не грозит. Но как я мог думать, что вы выкинете такую штуку? Разве так делают?

Арданова. Я не знаю, как делают. Я люблю вас, вы звали меня, и я пришла к вам.

Долгов. А вы подумали ли, что из этого получится? Какой это будет скандал, какой это грязный скандал будет завтра же?

Арданова. Нет, я об этом не думала и теперь не думаю. Скандал и грязь будет там, у них, а не у меня. Меня это не касается.

Долгов. Нет, я вижу, что вы совсем ребенок. Если вы сами не можете позаботиться о себе, то это должен сделать я. Если вы не понимаете, что вы делаете, то я очень хорошо понимаю и объясню вам.

Арданова (*в отчаянии*). Любимый мой. Что ты говоришь? Что ты делаешь со мной? Ведь ты позвал меня на новую благословенную жизнь с тобой. Ведь я ответила тебе, что не побоюсь и не отрекусь никогда. И когда настал час, я пришла к тебе. Я люблю тебя, и ты меня любишь. Я пришла на всю жизнь к тебе. Я ничего не побоялась. И вот теперь я боюсь. Я не понимаю тебя, я слов твоих не понимаю. Я боюсь понять их. Слышишь? Я смертельно боюсь понять их... Не может быть, чтоб ты говорил это. Я не верю тебе.

Долгов (*берет со стола графин, наливает воду в стакан и подает Ардановой*). Успокойтесь, друг мой, успокойтесь. Ничего страшного я вам не говорю. И если я волнуюсь за вас, то, конечно, только оттого, что я вас люблю.

Арданова. Скажи мне... Скажите мне одно: ведь вы звали меня? Ведь не во сне я все это увидела? Господи, я с ума схожу.

Долгов. Да, я звал вас. Я и теперь зову вас. Но вы как-то странно, по-детски поняли меня. Вы даже удивили меня. Как примитивно вы все берете. Когда полчаса тому назад здесь сидела Полина и предлагала мне удалиться с ней под сень струй, это меня только веселило и забавляло, но когда...

Арданова. Здесь у вас была Полина Григорьевна? Она здесь была?

Долгов. Ах, Боже мой, ничего подобного я не говорил. Я сказал: «Если бы здесь была Полина». (*С досадой.*) Вот видите, Лизавета Алексеевна, как вы мало меня знаете. Вам показалось, что я сказал, будто Полина была здесь, и вы сейчас встревожились. Точно это могло бы иметь для вас значение.

Арданова. Как странно мы говорим. Друг милый. Мы ли это? Мы точно ссоримся. Ведь все так ясно было для меня. Все так красиво, так ярко. Вы помните – вы говорили, что душа моя, как музыка. Вы помните это? Разве вы не слышите, как плачет сейчас эта музыка? Что же случилось, любимый мой? Я ничего не понимаю, ничего не понимаю. (*Закрывает лицо руками.*)

Долгов (*подходит к ней, берет ласково за руки*). Ну подождите, ну успокойтесь. Обсудим все вместе. Вы не можете вернуться. (*Арданова молчит.*) Но в этом ведь и нет необходимости. Если вы не любите его и вам тяжела ваша жизнь при прежних условиях, вы же можете устроиться самостоятельно... Поезжайте в Москву. Ведь у вас, кажется, есть независимое состояние, вы продали свое имение.

Арданова. Нет, у меня нет денег. Муж проиграл в клубе все мои деньги.

Долгов. Быть не может. Как же это так вышло?

Арданова. Неужели мы об этом будем говорить теперь?

Долгов. Зачем же вы ему дали эти деньги? Это прямо возмутительно с его стороны. Никогда бы не подумал, что он способен на такую низость.

Арданова (*с тоской*). Неужели мы об этом будем говорить?

Долгов. Ах, дитя мое, ведь это тоже важно. В этих деньгах была ваша свобода. Ведь у вас больше ничего нет? (*Арданова молчит.*) Вот видите сами.

Арданова (*смотрит в сторону, говорит с тоской*). Что мне делать? Что мне делать? (*Долгову.*) Нет, это страшный сон какой-то, Андрей Николаевич. Ведь вы говорили мне об огненном змее?

Долгов. Лизавета Алексеевна. Разве я отрицаю это? Разве я не повторяю теперь, что люблю вас и счастлив вашей любовью? Только я знаю то, чего вы не знаете. Я знаю, что любовь нашу мы не можем и не должны обставлять скандалом. Любовь – священная тайна, и пусть она будет тайной. Самый яркий златокованный венец не наденете вы на свою голову, если он затоптан свиньями. Дитя мое дорогое, придется вам вернуться домой.

Арданова (*тихо*). Вы душу мою убили, я не могу жить с мертвой душой.

Долгов (*сердито*). Что это – угроза?

Арданова. Как пошло. (*Закрывает глаза руками и плачет, потом поднимает голову.*) Андрей Николаевич. Не бойтесь, я сейчас уйду. Я хочу только, чтобы вы сказали мне, что это было? Что это такое, чего вы хотели от меня? Или просто я не поняла вас? Почему вышла вся эта некрасивая и такая мучительная, смертельно мучительная сцена? Скажите мне все искренно, не как обиженной вами женщине, а как человеку. Можете? Если не можете – лучше промолчите. Я хочу только правды. Ведь имею я право за все свое унижение, за все горе хоть этого потребовать. Раз в жизни правды. (*Долгов садится и, стиснув лоб руками, молчит.*) Я жду, Андрей Николаевич.

Долгов (*печально и ласково*). Любимая моя, нам вместе приснился сон. Сон о прекрасной стране, называемой «Никогда». В этой стране живут люди и происходят события, которых никогда не бывает. Там прилетают огненные змеи и уносят любящих и любимых к нездешнему вечному огнегорящему счастью. Там бывают и другие прекрасные чудеса, которых никогда не бывает. И если человек, видящий этот сон, не проснется вовремя, он погибает. Но обыкновенно окружающие замечают такого грезящего и будят его. Ах, много разных снов снится об этой стране. Вот и нам приснился наш сон, прекрасный сон из страны «Никогда». Но, дитя мое, я проснулся первый и хочу разбудить вас нежно, нежно, почти целуя.

Арданова (*закрывая глаза*). Я не хочу проснуться.

Долгов. Лизавета Алексеевна. Поймите меня. Мне сейчас очень, очень больно. Мне стыдно за себя. Вы приняли меня не за того. Вам показалось, что я сильный, яркий человек, что я зову вас на новую, как вы сказали – благословенную жизнь. Я, пожалуй, одну минуту и сам показался себе таким. Лизавета Алексеевна, друг дорогой! Простите меня. Я тоже труп, как все они, и так же кружусь под шарманку сатаны. Разве вы не узнали меня? Я тот самый «неотразимый» молодой человек, адвокат, доктор, инженер, все равно кто, который разделяет в каждом провинциальном городке подсурдинные романчики, с цветами, романсами и легеньким адюльтером. Разве вы не узнали меня? Я выродок, болтун, пустоцвет, пустозвон.

Арданова. Зачем вы так говорите о себе? Разве это правда? Это опять какая-то непонятная рисовка. Вы яркий, вы талантливый, не я одна такого мнения о вас.

Долгов. Может быть, и яркий. Но, дитя мое, гнилушки всегда светятся. Я хитрый мертвец, я притворился живым, чтобы овладеть вами. Но не судите меня очень строго. Я правда очень, очень увлечен вами. И то, что я говорил вам, я наверное никогда никому не скажу. И горел я, когда говорил вам об огненном змее, красиво горел. Но теперь, когда вы так смело и ясно пришли ко мне, совсем пришли, любимая моя, я вдруг сразу почувствовал, что не могу, не смею ответить вам. Душа у меня бескрылая. Не взлететь мне с вами, а притворяться – не могу, стыдно. Не сломать мне своей проклятой пружины. Не сломать. Лгать вам только для того, чтобы позабавиться вашим красивым огнем, не могу. Нельзя святой водой полы мыть.

Арданова. Так это, значит, был флиртик? Вы «завлекали» меня, как военный писарь швейку. Ха-ха. Какую глупую роль вы отвели мне в вашем водевильчике.

Долгов. Лизавета Алексеевна. Любимая.

Арданова. Нет, милый мой, я не для водевильчика. Не по мне эта роль. И я выйду из нее, хоть бы мне пришлось для этого выйти из жизни. Нет, я не для водевильчика. *(Встает и выпрямляется во весь рост.)*

Долгов. Красивая. Какая вы красивая. *(Хочет взять ее за руку.)*

Арданова. Перестаньте. А я-то... Ха-ха. Я шла сюда как на подвиг, как на смерть. Не для радости, поцелуев шла я сюда, а именно как на подвиг. Я не знаю. Это, должно быть, действительно безумие, но такое вдохновенное безумие. И вдруг... И все так просто и ясно, как пощечина. *(С отчаянием.)* Что сделала я с собой? Как я уйду, как буду жить дальше? Ведь ни одной минуты, ни одной минуты из тех, которые я пережила здесь, я не хотела. Я не хочу. Как буду я жить дальше? *(Поворачивается к Долгову, говорит надменно.)* Слушайте, вы. Относительно того, что муж взял мои деньги, я солгала, пошутила, словом, это неправда.

Долгов. Я это так и принял. Как шутку. Впрочем, мой ответ я сейчас заимствовал у Ворохлова.

Арданова *(удивленно).* Что?

Долгов. Я потом расскажу вам. Забавная история.

Арданова. Нет, я думаю, что вы мне потом уже ничего не расскажете.

Долгов. Милый друг, к чему этот трагический тон? Ведь я все равно не верю. Да и глупо было бы, если бы иметь основание верить. Уж очень было бы пошло. Но я спокоен. Ваша последняя фраза насчет того, что вы пошутили относительно некрасивого поступка вашего мужа, очень успокоила меня за вашу судьбу.

Арданова *(холодно).* Я вас не понимаю.

Долгов. Очень просто, вы вернулись к жизни, к обычной жизни, где все должно быть на своем месте. Ну, а эта ваша откровенность насчет мужа выходит как-то не на месте. Вот вы и устраняете ее, чтобы она не мешала вам жить дальше. Не так ли? Я очень, очень рад.

Арданова. Почему вы так глупо жестоки?

Долгов *(улыбаясь).* Только для того, чтобы вы могли рассердиться на меня. Это вам сейчас чрезвычайно полезно. А для меня не очень страшно, это не надолго.

Арданова *(идет к двери. Не оборачиваясь).* Я уйду.

Долгов *(догоняя ее, берет за руку).* Подождите, я не хочу, чтобы вы так ушли. *(Заглядывает ей в лицо.)* Покажите мне ваши глаза. Так. Теперь вы совсем другая. Вы проснулись. Не жалейте. Вам будет хорошо. Вы живая, умная и страстная, вы будете вертеть всеми этими трупами, как вам вздумается. Будете такой... губернской львицей, царицей марионеток? Право – это забавно. Я рад, что разбудил вас. Я не хочу, чтобы вы погибли.

Арданова *(вырывая руку).* Оставьте меня.

Уходит. Долгов делает несколько шагов за дверь, провожая ее. Она уходит быстро. Он останавливается, прислушивается. Слышно, хлопнула дверь. Он возвращается назад, садится в кресло, закрыв лицо руками. Потом поспешно встает, звонит. Входит лакей.

Долгов. Слушайте, Алексей. Скорей бегите... Тут только что ушла от меня барыня. Догоните ее, только так, чтобы она не видала, и проводите ее до самого дома. Только, слышите, чтобы она вас не заметила. Пока не войдет к себе в дом, не спускайте с нее глаз. Когда вернетесь, скажите мне. Если я буду спать – разбудите. *(Вдруг устало опускает голову на руки.)* Нет... не надо будить. Все равно.

Занавес.

Действие четвертое

Декорация первого действия. Утро. Серафима и Луша убирают комнату.

Серафима. Нечего тут вертеться-то. Все равно тебе расчет будет.

Луша. За что же мне расчет? Барыня очень мною довольна.

Серафима (*передразнивая*). Барыня. Барыня. Теперь, милая, не в барыне дело. Теперь барин сам себе барыней будет.

Луша. Ой, что же это вы говорите, Серафима Ананьевна. Да разве это такое бывает, чтобы сам себе. А где же барыня-то наша?

Серафима (*таинственно*). Ушла барыня. Совсем ушла, понимаешь. Только если ты, шельма, кому пикнешь, я тебя своими руками задушу. Я сама молчу и никому не говорю, и ты молчи. Я вот сама своими глазами видела, как барыня из дому ушла, а разве я кому скажу. Да, мне пусть скорее язык вырвут...

Луша. Господи спаси и помилуй. А куда же она ушла-то?

Серафима. Я тебе поспрашиваю. Ты знай свое дело, убирай да молчи. К кому нужно, к тому и пошла.

Луша. А к кому же нужно ходить-то?

Серафима. К любовнику, вот к кому нужно.

Луша. Господи прости и помилуй.

Серафима растворяет полукруглую дверь, заглядывает в соседнюю комнату.

Серафима. Ишь барин-то до сих пор из клуба не вернулся. Продувает барынины денежки. Обобрал ее дочиста.

Луша. Ой, что вы это, Серафима Ананьевна. Ой, страсти-то какие. Неужто обокрал?

Серафима. Что-о? Я тебе покажу такие слова про господ говорить. С этаких лет произносить.

Луша. И что это теперь будет, Серафима Ананьевна, я ведь никому не скажу, ей-Богу, это к кому же барыня пошла-то? Ей-Богу я никому, только разве Феньке Ворохловых, да Ксюше почмейстеровой. Ей-Богу.

Серафима. Скажите пожалуйста. Она не скажет. Да еще кто тебе позволит ябедничать-то. Тут для ябеды почище тебя люди найдутся. Коли кому нужно рассказать, так я и сама сумею. Тебя не спрошу. Ох-хо-хо. И что теперь будет, и что теперь будет. Ежели меня барин при себе не оставит, ни за что в этой мурье жить не буду. Непременно в Тверь перееду. Ездил я как-то с господами Филимоновыми в Тверь, видела там живые картины на французском языке. Уж действительно можно сказать, свету повидала. (*Звонок.*) Господи, это что же? Либо барин, либо барыня. Пошла вон, я сама отворю, не твоего ума дело.

Обе уходят. Входит Арданов в пальто и шляпе, садится, не раздеваясь, на стул. Вынимает бумажник, раскрывает его и снова прячет.

Арданов. Все. Кончено. (*Вытирает лоб платком. Входит Серафима.*)

Серафима (*жеманно*). Ах, барин, уж и не знаю, как вам сказать... Уж и не смею, уж и руки и ноги, как говорится, к гортани прилипли.

Арданов (*раздраженно*). Чего вам? Отвяжитесь вы от меня.

Серафима. Уж виновата, барин, а должна я вам все сказать, чтобы вы не подумали, что я потатчицей была... Как цветы все через мои руки проходили и два раза даже с письмами. Писем-то я, виновата, прочесть не удосужилась. Так только уголочком глаза зыркнула, когда барыня читали.

Арданов. Что вы там мелете?

Серафима. Ей-Богу, только и успела уголочком зыркнуть, а прочесть не смогла. Видела, что как будто «е» и потом «е», и потом – опять «е», а больше не разобрала. Конечно, кабы знать, что дело так повернется, так можно было бы эти самые письма выкрасть.

Арданов. Какие письма? Говорите сейчас же, в чем дело. Слышите? Я вам приказываю, сейчас же отвечайте.

Серафима. Ей-Богу, через преданность мою. Я перед барином своим чиста и противу барина не потатчица. А господин Долгов цветы барыне посылал. Так все не симпатично и два раза с письмом. «Е» только разобрала и «е» и еще «е». Ей-Богу, лопни глаза... Вот образ-то на стене.

Арданов (*вставая*). Где барыня?

Серафима (*мечется*). Она-с, они-с...

Арданов (*бросает шляпу на пол*). Отвечай сейчас же или я тебе...

Серафима. Ой-ой-ой. Смертынька моя. Ушла барыня, ушла из дому совсем, своими глазами видела...

Арданов. Что-о? Ушла? Куда?

Серафима. Да уж видно туда... туда... (*Арданова раскрывает дверь из своей комнаты. Она очень бледная, в том же платье, в каком была у Долгова.*)

Арданова (*спокойно*). Что здесь случилось? Что за крик?

Арданов (*изумленно и смущенно*). Ты? Где ты была?

Арданова. Я? Как видишь, дома.

Арданов. А как же она говорит, что ты...

Арданова (*Серафиме*). Уйдите отсюда. (*Серафима, съезжившись, уходит.*) Она видела, как я вечером пошла пройтись, и не видала, как я вернулась – у меня был ключ с собой. Вот и все. Может быть, благоразумнее с моей стороны было бы не возвращаться.

Арданов (*начиная сердиться*). То есть, как это так? И, вообще, что это значит? Эти цветы и записочки от Долгова, о которых вся прислуга знает? Потрудитесь отвечать.

Арданова. Потрудитесь не кричать. А теперь слушайте. Совершенно верно, Долгов посылал мне все время цветы и два раза присоединял очень любезные письма. Если бы вы поинтересовались ими в свое время, вы бы их прочли. Но ведь вас никогда не было дома. А теперь вы мне потрудитесь сказать, где мои деньги.

Арданов (*растерянно*). Деньги... Какая ты смешная. Да я же тебе сказал, что отвезу их... ну и отвезу... Какая ты...

Арданова молча подходит к бюро, открывает его и долго молча смотрит на Арданова.

Арданов. Дорогая... Лизочка... Я и сам не знаю, как это вышло... Я... Прости меня... Я всю жизнь. (*Опускается на стул, закрывает лицо руками.*) Лиза. Ты, конечно, вправе презирать меня и бросить меня... но... Лиза, прости меня. Ведь я же люблю, я люблю тебя, Лиза.

Арданова (*вдруг вспыхивая, кричит вся дрожа*). Что ты сказал? Какое ты слово сказал? Как ты смел? Как ты смел огненное слово сказать? Смерть и тлен ваши слова. Смерть и тлен. Как смеете вы? Как смеете вы. (*Закрывает лицо и громко рыдает. Арданов бросается к ней.*)

Арданов. Лизочка. Милая. Ты больна. Ты измучилась. Это я такой подлец. Я последнее время совсем не был с тобой. Лизочка, я не мог. Я проигрывал твои деньги и чувствовал себя таким подлецом перед тобой, что нарочно поддерживал в себе эту злобу, это раздражение. Понимаешь. Нарочно сердился, потому что мне уж очень было стыдно... Пожалей меня, Лиза. Сколько раз я был груб с тобой только потому, что боялся расплакаться.

Арданова (*устало*). Мне все равно. (*За окном начинает тихо играть шарманка, тягучий хриплый вальс.*)

Арданов. Лиза, дорогая, я тебе выплачу эти деньги. Понемногу, верь мне. Ведь я же тебя... (*Спохватившись.*) Ну не буду, не буду. Только ты верь мне, я тебе верну все.

Арданова. Да ты не волнуйся. Сегодня твои именины, считай, что я тебе подарила эти деньги. Это мой подарок.

Арданов. Нет, Лизочка, милая, ты знаешь, что я никогда не соглашусь.

Арданова (*нетерпеливо*). Ну, хорошо, хорошо. Я пойду переоденусь, ведь сегодня гости. (*Уходит.*)

Арданов (*идет за ней*). Дорогая. Я всегда знал, что ты святая, а я подлец. Если бы я этого не знал, то наверное не поступал бы так. Ах, я совсем не то говорю. Я так взволнован. (*Уходит.*)

Серафима (*заглядывает в комнату*). Ну и слава те Господи. А то уж я совсем расстроилась. И вся дрожу, и вся дрожу. (*Зовет.*) Лушка! Иди стол накрывать. (*Поднимает шляпу с полу, обтирает рукавом и сдувает с нее пыль.*) Как он шляпу-то швырнул, так у меня прямо в нутре что-то перевернулось. Верно, станочная жила лопнула. (*Слушает шарманку, открывает окно и кричит.*) Пошел вон. Пошел вон. Чего с утра дудишь? Господа не любят. (*Шарманка умолкает.*) И шарманки-то нынче не подумавши играют.

Луша (*входя*). А как же вы, Серафима Ананьевна, говорили – ведь барыня-то вернулись.

Серафима (*деланно равнодушным тоном*). Ну что же, прогулялись и вернулись, не на улице же им ночевать. А ты бы поменьше разговаривала, лучше было бы.

Луша. Да разве я...

Серафима. Вот то-то и оно. Ты мне что тут давеча натурчала? Как бы я это господам доложила, так тебя бы в один секунд отсюда помелом вымели.

Луша. Ой да что вы, Серафима Ананьевна, да что же я говорила?

Серафима. Ладно, ладно. Передо мной хвостом лисить нечего. Все слышала, мать моя. Благодарю Бога, что я слышала, а не кто другой. Что не доносчица я и не сплетница. Меня хоть на дыбу поднимай, уж слова из меня не вытрясешь. Уж, видно, порода такая у меня, не болтушая. Звонит кто-то, поди отвори. (*Луша уходит.*) О, господи, и народ нынче пошел: плетут, плетут. Выдумать тоже на своих же, на господ.

Уходит. Входит Ворохлова, встревоженная, шляпка на боку, в рукаве носовой платок комочком.

Луша. Обождите, пожалуйста, я сейчас барыне доложу.

Ворохлова. Хорошо, хорошо, милая. Я обожду, обожду. Уж ты только доложи. Скажи на минутку, мол, просят, на одну только минутку. Глафира, мол, Петровна. (*Луша уходит.*) О, господи. (*Вытирает комочком-платком глаза и нос.*)

Арданова (*входя*). Глафира Петровна. Очень рада... Но что с вами.

Ворохлова (*косится на уходящую Лушу, ждет, чтоб та ушла.*) Голубчик, Лизавета Алексеевна. Не сама я шла к вам, материнское сердце повело. Ухватило и повело. Милая Лизавета Алексеевна. (*Вытирает глаза.*) Вы одна можете помочь.

Арданов. В чем дело, я рада всей душой. Глафира Петровна, успокойтесь... ради Бога. Что случилось?

Ворохлова. Беда, голубчик, беда. Вот зашла к вам узнать, может, вы что знаете. Ведь Илюшечка-то все к вам бегал книжки читать. Так, может, он вам что и сказал? А? Не говорил ли чего?

Арданова. Ничего не говорил. Я даже не понимаю, про что вы.

Ворохлова (*оглядывается*). Только вы никому... мой-то убьет, если узнает. Не велел никому говорить... Илюшечка ведь ушел. На рассвете ушел. Палочку взял да котомочку и пошел, и где искать-то его, не знаю.

Арданова. Господи. Да он, может быть, вернется еще?

Ворохлова. Нет, милая, нет, хорошая. Уж когда они этак уходят, они домой не возвращаются. Я думала, может быть, он вам что говорил, а вот и вы ничего не знаете.

Арданова. К сожалению, ничего не знаю. Это и для меня совсем неожиданно.

Ворохлова (*вытирая глаза*). Илюшечка. Кровинушка моя. Младшенький мой. Мизинчик мой маленький. До того мне жалко его, что и сказать вам не могу, выразить не умею. Все надеялась, хоть и видела, что к тому идет, а все, глупая, надеялась, что образумится, отойдет, к делу приглядится и приспособится. А вот оно что. Илюшечка. (*Плачет.*) Кровинушка моя. Нет, не вернется он.

Арданова. Глафира Петровна. Голубчик, не плачьте вы так.

Ворохлова (*вытирая глаза*). Милая вы моя. Только, ради Бога, вы никому. Я ведь и из дому потихоньку ушла, сам-то строго-настрого наказал молчать. Стыдится, верно, людей-то. Что же тут поделаешь. Конечно, ему тоже нелегко.

Арданова. Я никому не скажу, Глафира Петровна. Можете быть спокойны.

Ворохлова. Вот крутили, крутили чего-то всю жизнь. Дома строили, деньги копили, я варенье варила – и для кого это все? Все, прости господи, лысому бесу... (*Задумывается.*) Правду Илья Иваныч говорит, что прынт, али как там, так уж ничего против него не поделаешь. (*Вставая.*) Простите, милая, голубушка, что я к вам так ввалилась. Я думала, что вы что-нибудь знаете. (*Вздыхнув.*) Ну да, видно, так Бог решил. (*Целует Арданову.*) Простите, милая. (*Идет к двери и вдруг останавливается.*) А вот еще хотела вас попросить, если к вам еще эта баба с морошкой придет, так велите своим прислугам, пусть они ко мне пришлют. У меня что-то нынче мало морошки наварено. Уж простите меня, что я своими заботами... Сердце-то материнское.

Уходит. Арданова за ней. Входят Серафима и Луша. Несут посуду в столовую.

Серафима. Тихонько, тихонько, не разбей. (*Роняет чашку.*) Ах ты, господи, наказание. Ведь, говорю – осторожно – нет, лупит как угорелая. Ушла эта ворона-то? Сын у нее из дому удрал. Бродяжить пошел. Хи-хи-хи. Ох, умора с ними. Я и то за ним примечала, уж, думаю, непременно, что он лыжи наострит.

Луша. А откуда же вы знаете, что он ушел?

Серафима. Я там в комнате убирала, уши ведь не заткнешь, коль она на весь дом раззвонила. (*Передразнивая.*) Ах, ах, материнское сердце. Нет, коли у тебя материнское сердце, так ты должна сына на цепь посадить. А уж теперь поздно. А давно я за ним примечала. Книжки все барыне читать носил. Дураку книжки читать только вред. Дурак книжку почитает, да пойдет отца и зарежет.

Луша. А как же я-то и дура, и книжки читаю, все Бог миловал.

Серафима. До поры, до времени, матушка, все до поры до времени. А то другие начинают, так и с ума сходят. Вот в нашем городе, дьячок зачитался, так сам себя искусал. Так и помер. От собственного искушания помер. Видно, ядовитый стал. Что смеху-то было. (*Звонит телефон. Серафима в телефон.*) Слушаю-с. Квартира Ардановых. Все благополучно. Дома. И барыня дома. Как же, принимают, гостей ждем. А как прикажете сказать... Ишь ты, и трубку повесил.

Проходит Арданов.

Арданов. Где барыня?

Серафима. Они, кажется, к себе пошли.

Арданов уходит.

Серафима. Ну, неси посуду-то. Трещишь, трещишь, у меня от твоей трескотни в голове гудит. (*Луша уходит. Звонит телефон. В телефон.*) Слушаю-с, да. Ардановых. Дома, дома. Барыня? Нет, никуда не уезжали. А как прикажете... Тьфу, ты пропасть. И чего они привязались – куда барыня уехала. Никуда не уехала... Из чего люди бесятся.

Уходит. Входят оба Ардановых.

Арданов. А зачем к тебе Глафира приезжала?

Арданова. Илюшечка ушел.

Арданов. Куда ушел?

Арданова. Просто так, бродяжить. Это у них в крови.

Арданов. Вот идиот. Миллионер, а бродяжничает. Правду исправник Ворохлову говорил, что всех их пороть надо.

Луша (*входя*). Там гости пришли.

Арданова уходит, возвращается с Полиной, Клеопатрой и Иваном Андреичем.

Полина (*Арданову*). И желаю вам бесконечное количество роз без шипов. Чтобы вся ваша жизнь благоухала розами. Чтобы были все только одни розы.

Арданов. Одни розы? Ну, это, пожалуй, надоест. Как вы думаете, Клеопатра Федотовна?

Клеопатра. Ну нам с вами, пожалуй, надоест. А Полина Григорьевна у нас натура возвышенная, она и стихи пишет и рисует прелестно.

Полина. Ах, что за пустяки. Так только для себя немножко. Хотя многие уверяют, что у меня талант к живописи. Вот земский начальник Рукомоев, тот уверял, что мне непременно нужно ехать за границу, брать уроки живописи. Но я не хочу, я вовсе не считаю, что у меня уж такой необычайный талант. Вот танцам я бы хотела учиться по системе Делькроза.

Ворохлов (*входя Ардановой*). С именинником вас. С дорогим именинником. Николай Сергеич, честь имею поздравить.

Клеопатра (*переглянувшись с Полиной, Ворохлову*). Что это у вас такое лицо, будто вы не здоровы или что?

Полина. Все ли у вас благополучно?

Ворохлов. Спасибо, все слава Богу. Устал я нынче. Рано встал.

Иван Андреич. Чего так рано-то?

Ворохлов. А сына собирал в дорогу. У меня лесная заготовка началась, так вот послал сына в дачу съездить, пусть приучается. Так-с. (*Прищурив глаза.*) А вы думали, что?

Клеопатра (*смущенно*). Ничего, ничего, Илья Иваныч. Мы только беспокоились, здорова ли Глафира Петровна?

Ворохлов. А жена, действительно, что не того. Голова да спина да всякие пабольки. Уж я ей сказал, дома посидеть. Я и сам на минутку заглянул. Дела да все такое прочее. Вот хотел только именинника поздравить.

Полина (*отходит к окну*). Посмотрите, Клеопатра Федотовна, какой отсюда вид чудесный. (*Клеопатра подходит к ней.*)

Иван Андреич. А это, что же, новую дачку-то купили, где заготовку делаете?

Полина (*Клеопатре шепотом*). У них все, по-видимому, благополучно. Кто же это наврал, что она к Долгову сбежала?

Ворохлов. Новая, новая. В этом году куплена.

Клеопатра (*Полине*). Не знаю, а все-таки вид у нее подозрительный. Посмотрите, и Долгова нет.

Арданов. Это в каких краях?

Ворохлов. Да около казенных дач. Знаете, где Вережье.

Иван Андреич (*подходя к Клеопатре и Полине*). О чем тут дамы секретничают? (*Вполголоса.*) Врет, старый черт, притворяется. Илюшка-то его бродяжить пошел.

Арданов. Как же, был там.

Полина (*вполголоса*). Сет-афре. Как можно было принимать его у себя.

Входит Долгов. Арданова быстро встает, делает несколько шагов в сторону и снова садится на свое место.

Долгов (*прямо подходя к ней*). Позвольте вас поздравить. (*Склоняет голову и ждет. Она медленно протягивает руку. Он целует руку и быстро от нее отворачивается.*) Николай Сергеич. Поздравляю вас. Я ведь не опоздал. Вы просили к двенадцати. (*Продолжает здороваться со всеми.*) Меня ужасно задержал наш новый товарищ прокурора. Очень, очень милый

человек. Я его встречал раньше, в Москве. Очень милый. Полина Григорьевна. У вас сегодня прямо необычайный туалет. Это, вероятно, выписано из заграницы?

Полина. Ну плезанте. Нет, это мой собственный вкус.

Долгов. Представьте себе, я ведь сразу догадался. По-моему, в туалетах вообще личная фантазия играет главную роль.

Клеопатра. Ах, у меня тоже бездна фантазии. Я своему мужу вышила к именинам бювар шерстяными – маркиз и маркиза. Прямо как живые. А вы, Лизавета Алексеевна, что мужу подарили?

Арданов. Мне жена сделала чудесный подарок. *(Целует Ардановой руку.)*

Арданова *(вполголоса, горько улыбувшись).* Значит, принял? *(Арданов еще раз целует руку.)*

Луша *(входя).* Барыня, там еще гости пришли. Ивановы и Сельвестровы и Щебневых барыня. *(Арданова уходит.)*

Клеопатра *(делая лукавое лицо).* Ну, теперь признавайтесь, Николай Сергеич, что вам жена подарила?

Арданов. Это страшный секрет. Никак не могу.

Луша *(входя).* Кушать подано.

Арданов *(вставая).* Пожалуйте, господа. Пойдем прямо в столовую. Жена, верно, уже там. *(Все выходят.)*

Полина *(уходя).* Я хочу, чтобы мне предложили руку Илья Иваныч. Илья Иваныч, вы такой сегодня задумчивый. Вы наверно, хи-хи, влюблены.

Арданов. Клеопатра Федотовна, вашу руку.

Ворохлов. Влюблен? Кабы знать, как это делается, может быть, когда-нибудь и попробовал бы.

Все уходят. Слышен писк Полины «Ах вы шутите сет-афре». Из других дверей выходит Арданова. Беспокойно мечется по комнате. Потом останавливается, прислонившись к косяку окна и сжав голову руками. Входит Долгов.

Долгов *(деланно громко).* Вот где наша милая хозяйка. Мы вас ищем. *(Подходит к ней и берет ее за руку.)*

Арданова *(задыхаясь).* Как вы смели? Как вы смели прийти? Я еле сдержалась, когда вы подошли ко мне. Я хотела ударить вас по лицу.

Долгов. Я знал, что вы это хотите, но знал также, что никогда этого не сделаете. *(Помолчав.)* Вы сердитесь на меня за губернскую львицу?

Арданова *(вырывая руку).* Зачем вы напомнили? Это была такая гадкая и некрасивая дерзость. Зачем?

Долгов. Гадкая и некрасивая? Я знаю. Я нарочно и сказал так, потому что это некрасиво. Вы были в таком экстазе, так все красиво было в вашей душе, что оставь вас так, вы бы, пожалуй, и вернуться к прежнему не смогли. А вот этим некрасивым я немного притушил ваш огонек. И как знать, может быть, спас вас.

Арданова *(горько усмехаясь).* Вы великолепный психолог.

Долгов. А не прийти к вам я не мог. *(Опять берет ее за руки.)*

Арданова *(отстраняясь).* Не трогайте меня.

Долгов. Мне больно, что вы не хотите понять меня. Поверьте, еще будет так прекрасно. Вы видите сами: вчера вы хотели умереть.

Арданова. Я не швейка, чтобы травиться из-за любви к писарю.

Долгов. Вот видите, как вы сейчас благоразумно говорите. Я только радуюсь, слушая вас. Вы гордая, для вас вся эта жизнь и все эти люди веселая забава. Зачем нам экскурсии в страну «Никогда», если мы можем так мило устроиться в стране «Всегда» – всегда то же самое.

Вы на меня смотрите как будто с ужасом, а я так рад, что вы живы и живете одной жизнью с нами. Вы красивая и гордая. Царица марионеток. *(Обнимает ее.)*

Арданова *(отстраняясь)*. Нет. Нет.

Долгов. Какой смысл отталкивать меня, когда так хорошо нам вместе. Вы придете ко мне сегодня. *(Арданова вздрагивает.)* Ты придешь ко мне. Я целовать тебя буду *(обнимает ее)*, целовать не где-нибудь там, за звездами, а здесь, на земле... по-земному целовать... целовать *(За окном начинает играть шарманка, все тот же хриплый тягучий вальс.)*

Арданова *(пряча лицо)*. Замолчи... замолчи...

Долгов. Да, да. Буду целовать, и ты сама этого хочешь, и когда приходила ко мне сегодня ночью, тоже хотела, только не понимала...

Арданова *(слабо защищаясь)*. Нет... нет, это неправда.

Долгов. Это правда. И все так просто. Как ты дрожишь, как сладко дрожишь. Теперь все можно сказать тебе, ты все поймешь, потому что ты теперь наша. *(Медленно целует ее. Она замирает, закрывает глаза.)* Вот видишь. Ты сегодня придешь ко мне.

В дверях показывается Арданов с Полиной. Долгов выпускает Арданову.

Арданов. А мы вас ждем.

Долгов. Я пришел предложить нашей милой хозяйке быть кавалером за завтраком. *(Предлагает ей руку. Значительно.)* Ведь вы согласны, Лизавета Алексеевна.

Арданова *(с широко раскрытыми глазами, как в бреду)*. Да, да... *(Идут под руку к двери.)*

Полина. О чем вы тут говорили?

Долгов. Я доказывал Елизавете Алексеевне, что только безумцы не желают жить в такой стране, где днем светит солнце, а вечером зажигают лампы и где часы ходят правильно.

Идут к двери. Шарманка играет громче, и когда опускается занавес, хриплый тягучий вальс звенит отчетливо и громко.

Занавес.